
ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СЛАВА ТРУДУ!

Сделано в день
коммунистического
субботника
17 апреля 1971 г.

БОЛЬШОЙ ТРУДОВОЙ ДЕНЬ НАШЕЙ СТРАНЫ

ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, В ГОРОДАХ И СЕЛАХ 17 АПРЕЛЯ С ОГРОМНЫМ ПОДЪЕМОМ ПРОШЕЛ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ XXIV СЪЕЗДУ КПСС И ДНЮ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА.

Эти снимки сделаны в Пролетарском районе столицы 17 апреля 1971 года в день Всесоюзного коммунистического субботника.

Фото Б. Кузьмина и А. Бочинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 17 (2286)

Основан 1 апреля 1923 года

24 АПРЕЛЯ 1971

На улицах Софии.

Телефото БТА — ТАСС.

ФОРУМ БОЛГАРСКИХ КОММУНИСТОВ

20 апреля в Софии начал свою работу X съезд Болгарской коммунистической партии. В зале «Универсиада», где проходит съезд, присутствует более 1 500 делегатов, представляющих 700-тысячную армию болгарских

ДОБРОСОСЕДСТВО И ДРУЖБА

В Москву с официальным визитом в качестве гостя Советского правительства 19 апреля прибыл Премьер-Министр Финляндской Республики Ахти Карьялайнен.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Финляндской Республики и Советского Союза, главу правительства дружественной страны встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков и другие официальные лица.

В Кремле 19 апреля состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Финляндии Ахти Карьялайненом.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам дальнейшего укрепления добрососедских советско-финляндских отношений, развития экономического, технического и промышленного сотрудничества между обеими странами, а также по важным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин выразил уверенность, что этот визит послужит дальнейшему укреплению всестороннего сотрудничества и взаимопонимания между Советским Союзом и Финляндией.

20 апреля в Москве, в Доме приемов, состоялось подписание советско-финских документов.

Договор о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой подписали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Финляндии Ахти Карьялайнен.

Были подписаны протокол по вопросу о поставках из СССР в Финляндию природного газа и из Финляндии в СССР стальных труб, протокол о строительстве Пяозерского леспромхоза, а также протокол о строительстве в Финляндии второй атомной электростанции.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Финляндии Ахти Карьялайнен подписывают Договор о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества между СССР и Финляндией.

Фото А. ГОСТЕВА.

Открытие съезда.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

коммунистов, посланцы братских партий. Делегацию Коммунистической партии Советского Союза на Х съезде БКП возглавляет Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Съезд открыл вступительным словом член Политбюро ЦК БКП Т. Павлов.

С Отчетным докладом Центрального Комитета БКП выступил Первый секретарь ЦК БКП Т. Живков.

21 АПРЕЛЯ — 25 ЛЕТ СО ДНЯ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

РУКИ ВСТРЕТИЛИСЬ...

В эмблеме Социалистической единой партии Германии две руки, которые встретились и соединились в крепком рукопожатии. Символика проста и красноречива, ее можно выразить одним словом: «Единство!».

Четверть века назад, в апреле 1946 года, это слово в полный голос произнесли делегаты объединительного съезда. В тогдашней Восточной зоне Германии произошло историческое событие: Коммунистическая партия Германии и Социал-демократическая партия Германии образовали единую партию. Сбылось то, что оставалось мечтой долгие десятилетия, отмеченные жестокими поражениями немецкого рабочего класса, отмеченные двенадцатилетним кровавым господством фашизма.

Единство рабочего класса — это то, что могло помешать Гитлеру прийти к власти. Достигнуть единства в тридцатые годы не удалось — политика социал-демократических вождей была препятствием на пути к единому фронту. Эрнст Тельман — герой и вождь немецких коммунистов — говорил в 1932 году, что каждый день фашистская чума убивает лучших бойцов, совершает провокационные налеты на партийные дома, в тюрьмы брошены тысячи людей, которые вели мужественную борьбу против фашистских преступников. И перед лицом этих фактов, перед лицом надвигающихся угроз, что Германия превратится в страну эшафотов и костров, Тельман призывал добиваться антифашистского пролетарского единого фронта.

В нацистском лагере Бухенвальд, где выстрелом в затылок эсэсовцы убили Тельмана, погиб и социал-демократ Рудольф Брейтшейд, один из тех руководителей СДПГ, которые выступали за единый антифашистский фронт.

Уроки истории были учтены на Востоке Германии.

В страшные годы фашизма, говорил Вильгельм Пик накануне объединения, «в нас созрело понимание того, что единство рабочего класса является первой предпосылкой его победы. Годами и десятилетиями мы добивались этого единства. Из тюрем и концентрационных лагерей, из нелегальных групп раздавался страстный призыв к единству. Это окрыляло нас в нашей борьбе за единство.

И вот, товарищи, этот час настал».

...Во всех учебниках истории, изданных в ГДР, опубликованы две фотографии. На одной — Вильгельм Пик и Отто Гротеволь скрепляют рукопожатием единство коммунистов и социал-демократов. На другой — по руинам послевоенного Берлина, по двум улицам, выходящим на большую площадь, идут колонны КПГ и СДПГ, на площади они сливаются в общий поток: над головами людей транспаранты: «Социалистическая единая партия Германии».

Оба эти снимка сделаны в те апрельские дни 1946 года. Дни, когда единство рабочего класса на Востоке Германии стало действительностью. В дни, когда руки встретились...

Генрих ГУРКОВ

Берлин.

Братское рукопожатие В. Пика и О. Гротеволя скрепило историческое решение о создании Социалистической единой партии Германии.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОСМОСА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В ПОЛЕТЕ—«САЛЮТ»

СЕМЕЙСТВО СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОСМОСА ПОПОЛНИЛОСЬ ОРБИТАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ СТАНЦИЕЙ

Сообщение ТАСС

В соответствии с программой исследования космического пространства 19 апреля 1971 года в Советском Союзе произведен запуск орбитальной научной станции «Салют».

Станция выведена на орбиту, близкую к расчетной, с параметрами:

— максимальное расстояние от поверхности Земли (в апогее) — 222 километра;

— минимальное расстояние от поверхности Земли (в перигее)-200 километров;

— период обращения 88,5 минуты;

— наклонение орбиты 51,6 градуса.

Целью запуска станции является отработка элементов конструкции и бортовых систем, проведение научных исследований и экспериментов в космическом полете.

По данным телеметрической информации, бортовые системы, агрегаты и научная аппаратура станции работают нормально. Координационно-вычислительный центр ведет обработку поступающей информации.

РЕЗЕРВЫ БЕЗГРАНИЧНЫ

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Нарушив размеренное течение жизни, чрезвычайные обстоятельства заставляют человека мобилизовать весь запас его духовных и физических сил. В такие минуты, часы или дни проявляется могучий потенциал резервов, заложенных в организме.

Беспредельность этих резервов позволяет человеку с честью выходить из самых трудных ситуаций, преодолевать вредное воздействие окружающей среды, приспосабливаться к условиям, казалось бы, абсолютно несовместимым с жизнью. Приспосабливаться и побеждать. Человек демонстрировал эти свои способности задолго до наступления эры научно-технической революции. Но особенно ярко они проявились в последнее десятилетие, отсчет которому открыл первый космический виток Юрия Алексеевича Гагарина.

Тот исторический рейс был фактически шагом в неизведанное. Он должен был дать ответ на кардинальный вопрос: может ли человек жить в космосе! Может ли преодолеть перегрузки старта! И существовать в мире невесомости, полностью противоречащем всему земному опыту, условиям, к которым организм приспособился за миллионы лет эволюции!

Ответ был получен...

Правда, медиков насторожил второй старт — суточный полет Германа Титова. К концу полета космонавт начал испытывать неприятные ощущения, так называемый вестибулярный дискомфорт, вызванный влиянием невесомости на орган равновесия и ориентации в пространстве. Это заставило врачей уделять больше внимания тренировке именно вестибулярного аппарата. Часы, проведенные на вращающихся креслах, на креслах с неустойчивой опорой и батутах, подводное плавание помогли будущим космонавтам.

Освоение космоса шло постепенно, шаг за шагом. А. Николаев и П. Попович, освободившись от привязных ремней, первыми свободно парили в кабине корабля. Алексей Леонов стал первым землянином, вышедшим в открытый космос. Они выполняли программу, разработанную на Земле. Каждый следующий космонавт знал от своих предшественников все, что с ним произойдет, что ждет его на том или ином этапе полета. Как и когда нарастает ускорение, какие ощущения возникают при выходе на околоземную орбиту, как будет меняться ориентация в пространстве. И как все эти влияния преодолевать.

В. Кубасов летел следом за А. Елисеевым, как говорят спортсмены, шел по его графику. И потом, вернувшись на Землю, не переставал удивляться, как точно совпадали — по минутам, по секундам — его ощущения со всем тем, о чем рассказывал его предшественник.

С каждым очередным полетом космос становился все более знакомым. Люди обживали его, постепенно усложняя задачи. Космонавты получали возможность все больше внимания уделять непосредственно работе. Кабина корабля становилась ОБЫЧНЫМ рабочим местом человека. А успех и качество выполнения программы предопределялись наземной подготовкой, максимально приближенной к условиям полета: мы научились моделировать почти любую ситуацию, с которой могли сталкиваться космонавты. Это позволило доводить координацию их движений до автоматизма. Впрочем, подобная тренировка необходима и спортсмену, и балерине, и рабочему у станка — представителям всех земных профессий. Тем более это обязательно для «рабочих» космоса. В. Севастьянову, например, вначале было трудно скоординировать свои движения, чтобы пройти через люк между кабиной корабля и бытовым отсеком. К третьим суткам полета это стало для него настолько привычным, что на скорости передвижения не отражалось, шел ли он вперед головой или ногами.

Разумеется, еще более длительными были тренировки А. Леонова, а потом А. Елисеева и Е. Хрунова. Шутка ли — человеку предстояло выйти в открытый космос! Для выполнения такого задания необходимо было не только отработать автоматизм движений, надо было подготовить себя психологически. С тем, чтобы в тот решающий момент не думать о том, КАК выходить — «просто» выйти... И что же! Впоследствии Леонов рассказывал, что более сильное эмоциональное напряжение сопутствовало его наземным тренировкам.

Десять лет назад медики считали, что пилотами космических кораблей могут быть только люди исключительного здоровья. Затем стало ясно, что вполне достаточно быть физически крепким и психологически устойчивым. Спорить не приходится — космос предъявляет человеку сверхповышенные требования. Но организм — «конструкция» поразительно прочная, и резервы ее беспредельны. Надо только научиться их вовремя мобилизовать.

Основным неизведанным препятствием была и остается невесомость. В частности, потому, что ее сложнее всего моделировать на Земле. Сложно, но возможно. Для этого созданы самолеты-лаборатории. Во время их полета на 30—40 секунд возникает состояние невесомости. Но даже такого кратковременного «знакомства» бывает достаточно, чтобы врачи определили возможности будущего космонавта приспосабливаться к новым, непривычным условиям.

И вот что любопытно. Вместе с будущими космонавтами, которые специально, сознательно готовятся к новой для себя миссии, в тех же лабораториях летают люди, о космосе не думающие. Скажем, прибористы, которые в хвостовом отсеке по показаниям приборов следят за состоянием испытуемых. Но ведь невесомость возникает и действует не только в салоне, но и во всем самолете. И еще: будущие космонавты в один полет преодолевали до пяти-шести «горок» невесомости. Инженеры, техники, врачи, кинооператоры нередко испытывают на себе влияние в общей сложности свыше пятидесяти таких «горок». И даже не замечают — работают, и все.

Вот так же справляется с повышенными нагрузками, постепенно к ним приспосабливаясь, организм будущего космонавта. Один пример. Во время старта корабля «Восток-3» у Андрияна Николаева пульс в некоторые моменты достигал ста ударов в минуту, несколько выше исходных данных была и частота дыхания. При втором космическом старте А. Николаева все его физиологические показатели были лучше, чем в первом полете.

Но беспредельность резервов организма вовсе не означает, что ему предоставлено в одиночку сопротивляться непривычным воздействиям космоса. В помощь ему дана техника. Совершенствование космических кораблей снизило действующие на космонавтов перегрузки. Совершенствование методов подготовки помогает человеку лучше приспосабливаться ко всем условиям полета, в том числе и к невесомости.

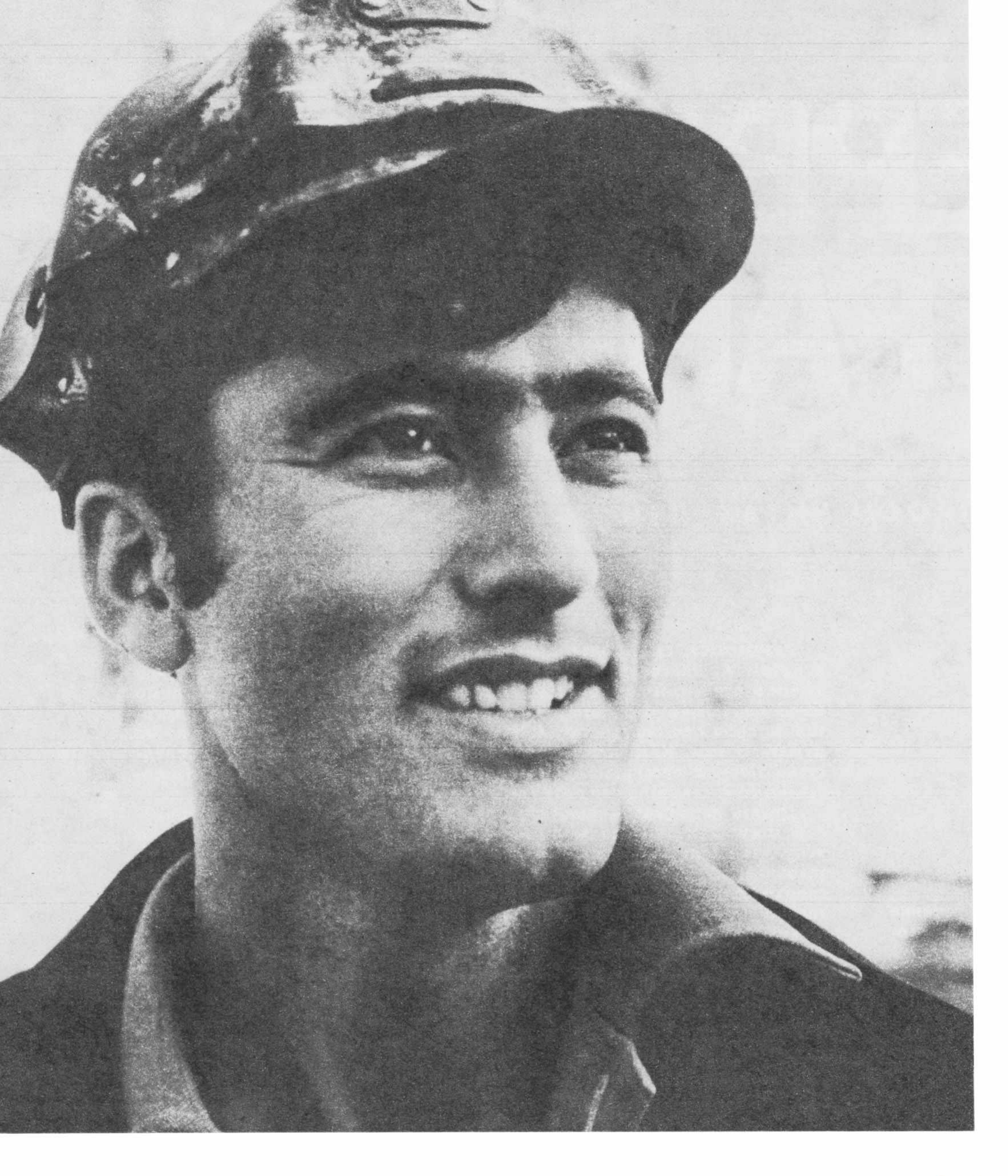
В первые годы речь шла об общефизической и специальной тренировке на Земле. Заниматься этим на борту корабля особой необходимости не было. Время полета ограничивалось несколькими сутками. Запасов прочности, приобретенных на Земле, хватало с лихвой.

С нарастанием длительности полетов, с усложнением программы возникла потребность в специальных физических тренировках, в специальных гимнастических комплексах и на борту корабля. Дело в том, что определенная группа мышц — опорные мышцы и сгибатели ног, мышцы спины, поддерживающие вертикальное положение тела на Земле, в космическом полете как бы выключаются. Они там, наверху, не нужны. Но ведь они вновь потребуются космонавту, когда он возвратится на родную планету.

Чтобы избежать неприятных последствий длительного полета, были разработаны специальные тренировочные костюмы с амортизаторами. Они заставляют человека, выполняющего элементарные упражнения, скажем, приседания, с нагрузкой включать те мышцы, которые работают во время приседания на Земле.

Все эти и другие меры помогают космонавтам быстрее проходить так называемый реадаптационный период — период привыкания вновь к земным условиям существования. Успех их применения — успех первых длительных космических полетов убеждает нас в том, что человек может эффективно работать в космосе.

М. МАРКОВ,
И. СЕРТАЕВ

В ПЕЧАТИ ОПУБЛИКОВАНО СООБЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР О ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЕ, УРОВНЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ, ЯЗЫКАХ И ИСТОЧНИКАХ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ НА 15 ЯНВАРЯ 1970 ГОДА

НАС - 24

25 АПРЕЛЯ — ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ПОРОДНЕННЫХ ГОРОДОВ

Новелла ЦВЕТКОВА

ДРУГ МОЙ, БЛАН-МЕНИЛЬ

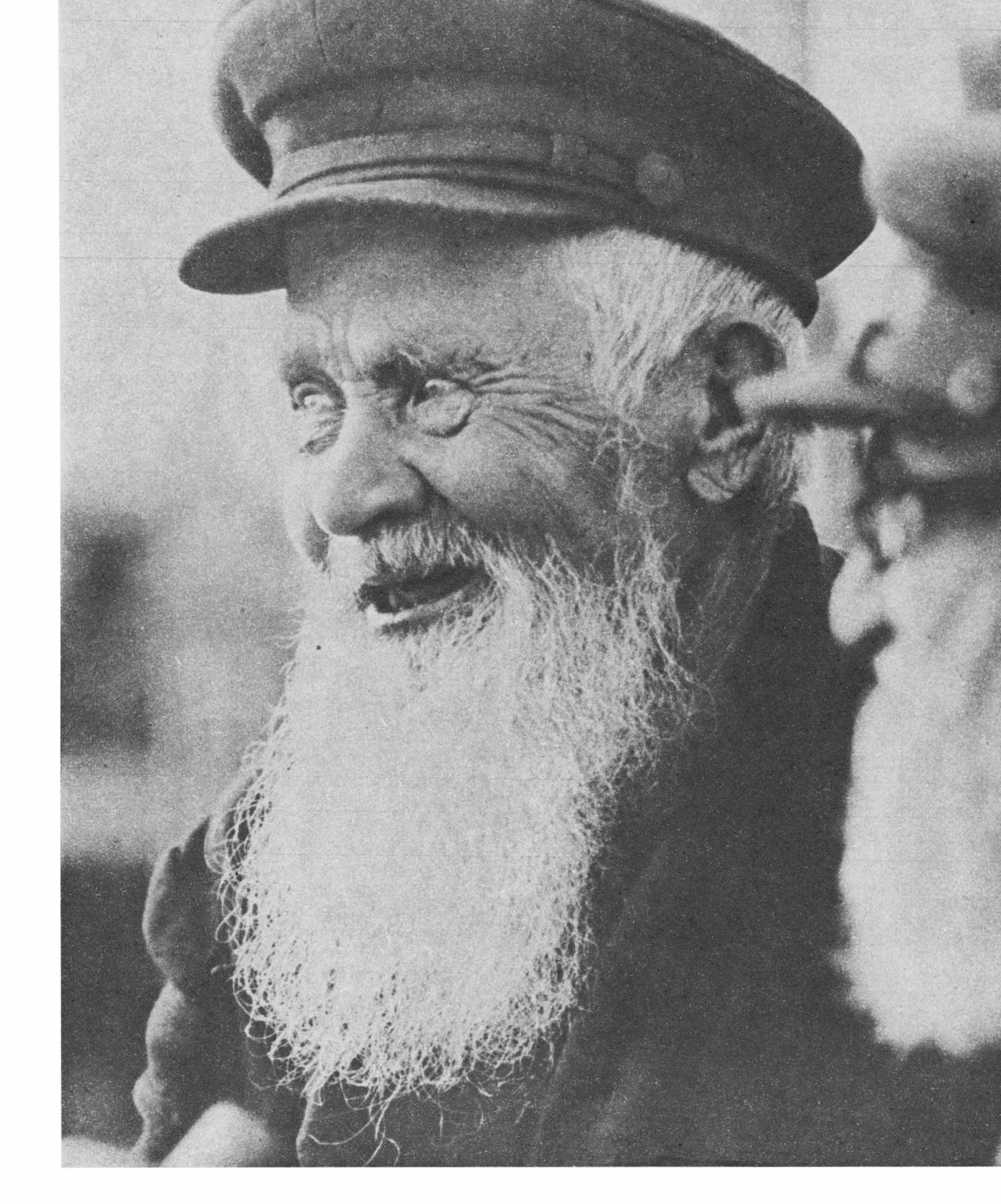

Год 1965-й. На сквере у исполкома Петродворца появилось дерево дружбы, посаженное мэром, коммунистом Робером Фрегосси.

Слышали ли вы когда-нибудь о Блан-Мениле? Нет? Ну, тогда послушайте, что рассказывает о нем его брат — Петродворец.

Я приехала к нему, когда талый снег лежал у его порога, а он, одурманенный весенними ветрами, уже разгуливал по паркам и садам. Вот-вот оживут под солнечными лучами эти спящие аллеи, из зимних деревянных укрытий выйдут «Тритоны», мужественный «Персей» и коварная «Пандора». Сказочные девы — «Сирены» протрубят славу великолепному, могучему «Самсону», и тысячи туристов устремятся сюда со всех концов страны, со всех концов земли. В прошлом году здесь, у знаменитых петергофских фонтанов, побывало два с половиной миллиона гостей, а сколько их будет нынче? — озабоченно размышлял друг Блан-Мениля. Но едва я назвала имя французского побратима Петродворца, как он тут же открыл передо мною двери своего Глав-

1.720.000

ного дома и хозяин его, председатель исполкома Николай Дмитриевич Уланов, дал мне возможность прочитать необычную повесть. Повесть о дружбе двух городов.

Первая глава ее была написана в этих стенах 7 августа 1961 года. Она называлась «Протокол дружбы»: «Мы, Хомченко Е. М., председатель Исполкома Петродворцовского Совета депутатов трудящихся (СССР), и Э. Ле Муань, мэр города Блан-Мениля (Франция), объявляем о породнении городов Петродворца и Блан-Мениля под эгидой Всемирной Федерации породненных городов в целях развития обмена в социальных и экономических областях, а также в областях культуры и туризма. Мы торжественно объявляем от имени населения о нашей воле уважать принципы Хартии породненных городов в интересах развития взаимопонимания, уважения и дружбы между населением СССР и Францией, чтобы проложить таким образом путь к полному согласию между всеми народами, во имя чего мы подписали этот протокол и приложили печати наших городов».

...У городов, как и у людей, свой характер, своя судьба. Прошлое Петродворца, этой парадной царской резиденции,— фейерверки и иллюминации по случаю «высокоторжественных» именин. Но грянула революция, и дворцы стали собственностью народа, а парки — любимым местом его отдыха.

Французский побратим Петродворца тоже порядком навидался всяких королевских особ. Ведь он находится в одиннадцати километрах от Собора Парижской богоматери, и, по сути, это один из районов Парижа. Этот тихий городок часто называют «городом-спальней». Большая часть жителей Блан-Мениля работает в Париже, но из-за дороговизны жилья жи-

А этот снимок недавно прислали в адрес Петродворцовского детского сада № 13. В детском саду Блан-Мениля идет урок труда.

Фото из архива Общественного Совета Петродворцовского исполкома.

вет здесь. Зато характер у этого городка оказался под стать Петергофу. Вместе с другими пригородами он входит в так называемый «красный пояс» пролетарского Парижа. Вот уже тридцать шесть лет городской муниципалитет здесь возглавляют коммунисты, и долгие годы мэром был ветеран Французской коммунистической партии Эжен Ле Муань, имя которого стоит под Протоколом дружбы.

Этот удивительный документ, равного которому не знает история Блан-Мениля, торжественно хранится в мэрии вот уже десять лет. Но если говорить о родственных чувствах побратимов, то они возникли гораздо раньше. Еще в гражданскую войну молодой человек из этого городка по имени Жан Эрбо отказался идти воевать против революционного Петрограда. В прошлом году делегат VII Всемирного конгресса породненных городов, старый коммунист Жан Эрбо побывал в Ленинграде и Петродворце, впервые увидав землю, которую его когда-то посылали завоевывать.

В тяжелые военные дни, когда фашисты вырубали парки Петродворца, взрывали его музеи и фонтаны, патриоты Блан-Мениля взрывали поезда оккупантов, помогали уничтожать военную машину рейха. 160 граждан этого маленького городка остались в списках «погибших за Францию». Их именами Блан-Мениль назвал многие улицы. А потом среди них появилась еще одна, названная в честь Петродворца. Так французский городок, разрушенный фашистами, оценил мужество и великую созидательную силу своего побратима, поднявшего из пепла уникальные памятники культуры.

В повести о дружбе двух городов есть и такие страницы.

«Эжену Ле Муаню, мэру города Блан-Мениль. Сена и Уаза, Париж.

Уважаемый коллега и друг! Весь мир с тревогой и возмущением узнал о намерении правительства ФРГ прекратить с мая 1965 года преследования нацистских преступников. Жители Петродворца протестуют против этого намерения. Предлагаем присоединить голос протеста жителей Блан-Мениля против решения правительства ФРГ». И ответная телеграмма из Парижа: «Муниципальный Совет Блан-Мениля согласен на совместную борьбу против предполагаемого решения о прекращении наказания преступников войны. Предлагаем совместное интернациональное соглашение, определение конкретных мер против преступников войны и организацию преследования инициаторов предложения».

Города, как и люди, хранят в памяти все доброе. Я не знаю, как обстоит дело в Блан-Мениле, а в Петродворце, по-моему, есть очень знающий «летописец» истории дружбы городов-побратимов. Мария Алексеевна Королькова чуть ли не с первых дней возглавляет созданный при исполкоме Общественный Совет, который осуществляет связи с Блан-Менилем. От нее я и узнала историю борьбы этого города с фашизмом, а также о том, сколько полезного и поучительного увезли с собою за эти годы делегации жителей обоих городов. Мария Алексеевна помнит все до одного праздники дружбы, пионерские сборы и выставки, посвященные побратимам, и бережно хранит страницы газеты «Ренессанс», где печатались впечатления тех, кто побывал в Советской стране.

«Что вы узнали в СССР особенно интересного?» — как-то спросили корреспонденты этой газеты преподавателя технико-индустриальной школы господина Хаммума. «Мы отделались в этой поездке от многих предубеждений, навеянных тенденциозной пропагандой нашей страны, как частной, так и официальной»,— честно ответил он. И признался, что его «буквально поразили колоссальные успехи советских людей в образовании и культуре, в жилищном строительстве».

В Петродворцовском исполкоме хранятся пачки писем, которые, не сомневаюсь, со временем станут для историков ценнейшими документами. И те, в которых мэры делились новостями городского строительства, и те, что отсылала в Париж учительница Людмила своей коллеге «дорогой Мишлин», и те, что получала директор детского сада № 13 от директора детского сада мадам Ландетте вместе с планами воспитания малышей Блан-Мениля по образу «жизни маленькой русской Наташи».

Все эти письма — о близком и для близких. Их читаешь с волнением и невольно думаешь, как же велика сила революционного Октября, если за столь крохотный для нашей старушки земли срок она так преобразила и людей и города. Вдумайтесь только, что происходит вокруг: жители Петродворца и предместья Парижа вместе, как самые большие семейные праздники, отмечают 7 ноября, День взятия Бастилии и День породненных городов! Дети из Петродворца пишут школьные сочинения о патриотах Блан-Мениля, а там, по примеру петродворцовской «лесной школы», организуется «снежная школа» для детей рабочих, и член делегации этого города, католик Роже Вельме, уезжая на родину из Советской страны, говорит: «Я не коммунист, но день, когда в пионерском лагере дети повязали мне красный галстук, считаю самым значительным днем в своей жизни».

* * *

...Города, как и люди, знают цену настоящей дружбы. В октябре 1942 года, когда легендарный Сталинград отражал вражеские полчища, в город, разрушенный почти до основания, пришла телеграмма из Англии. «Радуясь вашей героической стойкости и победам русского народа, мы обещаем идти к миру вместе с вами»,— писали сталинградцам жители истерзанного бомбардировками Ковентри. Два года спустя, когда еще шли бои, в этих городах были созданы комитеты породнения. Это было началом широкого движения породненных городов, которое объединяет нынче свыше тысячи городов Европы, Азии, Африки и Америки. Среди 120 городов нашей страны, которые связаны дружескими узами с 250 городами шестидесяти стран мира, Петродворец — побратим Блан-Мениля. Недавно он отправил приветствие на имя мэра города, коммуниста Робера Фрегосси, вновь победившего на выборах в муниципалитет. Успехов и благополучия тебе, друг наш Блан-Мениль!

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

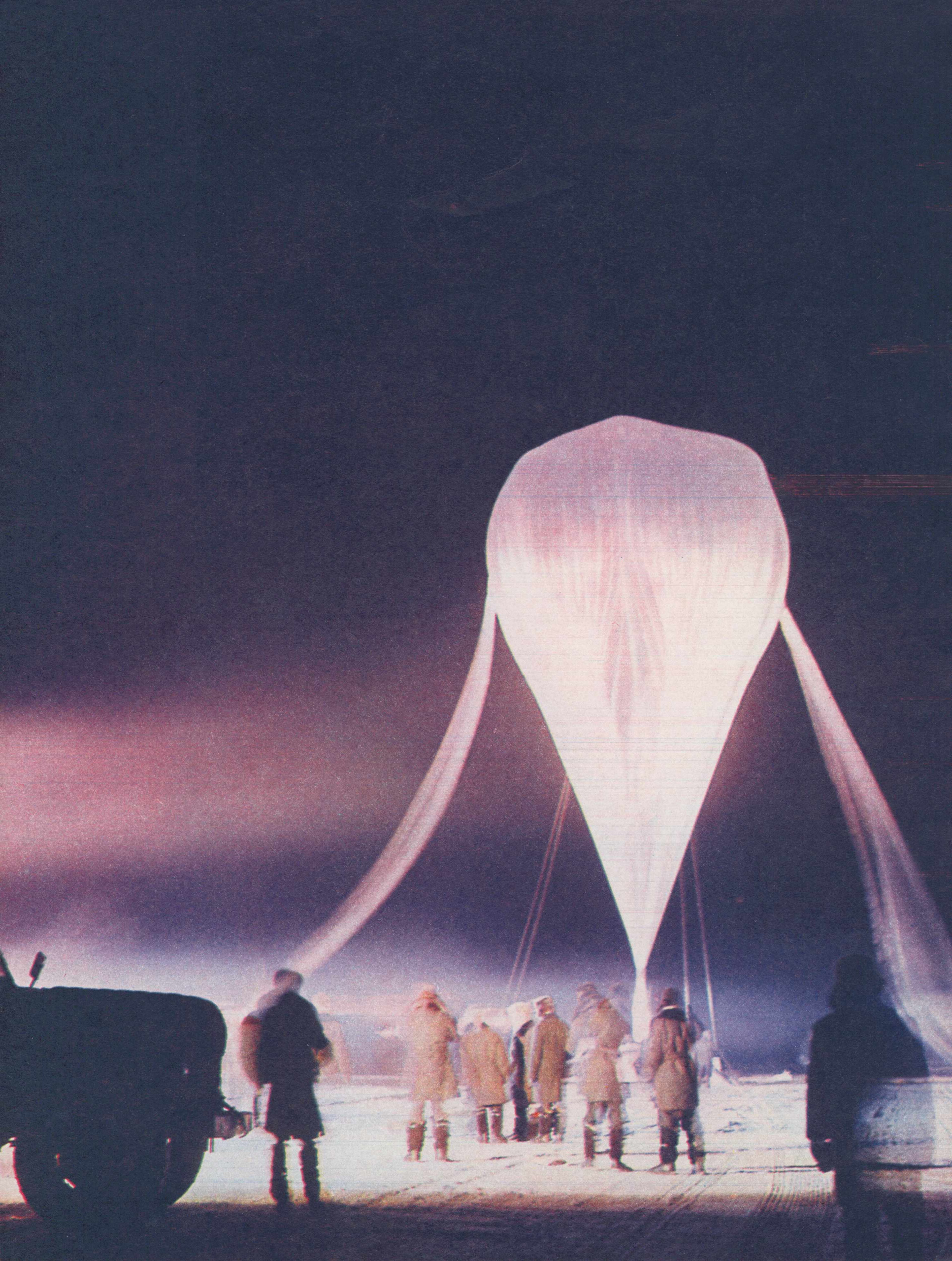
ОПЕРАЦИЯ „ОМЕГА-2"

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, фото Г. КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька».

«Омега-2» — так называется совместный советско-французский проект. Его целью является изучение возмущений околоземного космического пространства, магнитного поля Земли, полярных сияний. Приборы, поднятые высотными аэростатами в преддверие космического пространства одновременно с двух магнитно-сопряженных точек разных полушарий Земли, собирают и передают на Землю ценную научную информацию. Полученные наблюдения необходимы не только для разгадки таинственных явлений природы. Это чрезвычайно важно и для безопасности космических полетов, бесперебойной радиосвязи на земле, надежной навигации...

Наш репортаж об одном из таких запусков.

Через несколько минут — старт!

Задача необычного десанта — найти в тайге и поднять на борт вертолета контейнер с аппаратурой, опустившийся на парашюте.

На станцию наблюдения **ИЗМИРАНа** приходят сведения о космической погоде; чуткие приборы регистрируют магнитные бури, рентгеновское излучение, изменения в ионосфере, идет оперативное слежение за магнитным полем Земли.

— Стоп!

Заглядываю вниз и невольно зажмуриваюсь. Где-то далеко подо мной плавно покачивается земля — небольшая поляна с редкими деревьями. В раскрытый люк нашего «МИ-4» врывается резкий, холодный ветер.

Вертолет, как вкопанный, стал над поляной. Не просто удерживать так машину между небом и землей! Достаточно взглянуть на командира экипажа Александра Васильевича Гусева, чтобы понять это. На его обычно добром, открытом, приветливом лице, как у всех больших, сильных людей, сейчас застыло напряжение, холодная сосредоточенность.

— Пошел!

Мой коллега Геннадий Копосов уже висит под брюхом вертолета, бережно придерживая сумку с фотоаппаратами. До земли метров 35, не меньше.

На тренаже перед спуском бортовой авиамеханик Александр Филинов напутствовал нас:

— Действовать спокойно, не суетиться. Повторим еще раз. Здесь знаете на пятерку, в воздухе будете знать на тройку. Не хватайтесь за трос — он должен коснуться земли раньше вас. Напряжение пустяковое, током ударит слабо, но все-таки ощущение неприятное, лучше избежать.

Филинов умело орудует лебедкой. Он сам почти наполовину высунулся из люка. Защитный пояс держит его крепко. На лбу, несмотря на мороз, мелкие капли пота.

— Следующий!

...Цель нашего «десанта» — найти в тайге и поднять на борт вертолета необычный груз — ценную научную аппаратуру. Но вернемся на несколько дней назад, к началу этого эксперимента, участниками которого нам довелось стать.

ВОСЕМЬ ЧАСОВ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИНУТ ПО ГРИНВИЧУ

В этом маленьком поселке на севере Архангельской области живут не по нашему обычному времени, а по мировому: по Гринвичу. В научных лабораториях, в комнате, где работают телетайпы, установлены часы мирового времени, принятого на всех геофизических станциях. То же время секунда в секунду показывают часы и на маленьком острове в Индийском океане — Кергелене. И тут, на севере моей страны, и там, в южном полушарии Земли, на скалистом французском острове вблизи Антарктиды, исследователи, сверяясь по этим часам, ведут научный эксперимент под загадочным названием «Омега-2».

12 часов 00 минут по Гринвичу. На моих часах 3 часа дня. Начинается оперативное совещание перед запуском научных приборов в стратосферу. Огромный баллон поднимет на 40 километров над землей контейнер с аппаратурой. Исследования ведутся в преддверии открытого космического пространства.

Совещание, как всегда, ведет Арман Субрие, директор Центра запуска аэростатов в расположенном на юге Франции городке Эр-сюр-Адур, руководитель французской группы аэростатчиков, работающих сейчас у нас на Севере.

Выясняется обстановка на стартовой позиции. На столе — карты. Стрелками указано движение циклонов. Уже прошло зондирование атмосферы.

— Циклон встал на месте,— докладывает инженер по метеорологическому обеспечению Виталий Александрович Лузин.— Градиенты будут сохраняться.

— А как на Кергелене?

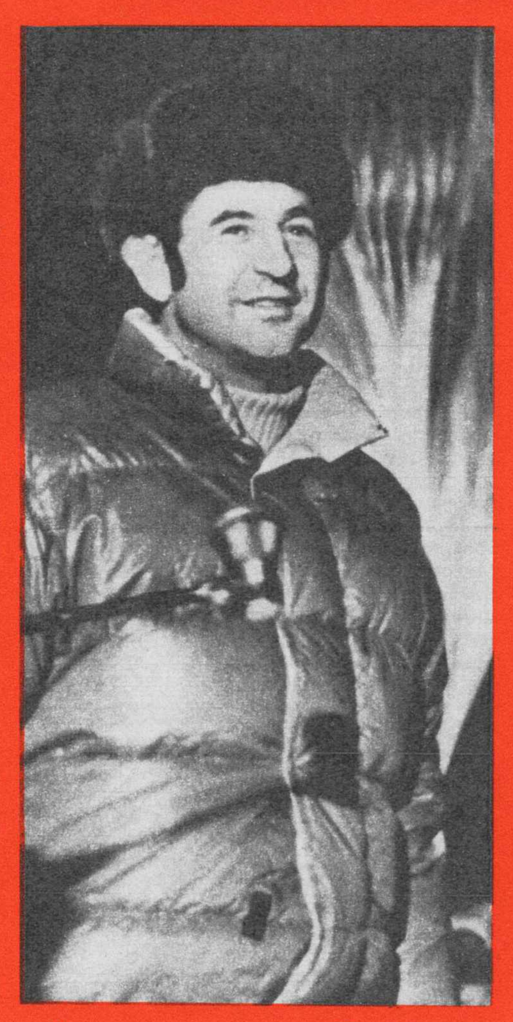
— Обстановка совпадает...

— О, отлично!

Наступил тот редкий момент, когда возникли уникальные условия, необходимые для запуска научных приборов в преддверие космического пространства, когда тут, на Севере, где стоит зябкая снежная зима и еще ничто не предвещает весны, и там, на Кергелене — острове в южном полушарии Земли, где сейчас теплое сырое лето, создалась, как говорят ученые, одинаковая «космическая погода».

Вот почему так ответствен предстоящий запуск. Вот почему на место старта приехали руководители всех работ по проекту «Омега-2»: из Москвы — заместитель директора Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР Игорь Алексеевич Жулин, из Тулузы — известный французский ученый Франсис Камбу, директор Тулузского центра.

В проекте «Омега-2» наряду с советскими учеными принимают участие французские коллеги из Центра по исследованию космических излучений при Тулузском университете, Парижского института физики Земли, Национального центра исследования телекоммуникаций и других научных организаций Франции, объединивших свои усилия в изучении космического пространства, организованном советом «Интеркосмос» при Академии наук СССР и Национальным центром космических исследований Франции.

На старт прилетел из Тулузы профессор Франсис Камбу.

...Совещание продолжается.

Русская речь мешается с французской. Я слушаю ученых и думаю, как отрадно, что все больше и больше контактов завязывается между нашими странами, что вопросы, важные для развития науки в целом, важные для всей нашей планеты, решаются вот так: в обстановке деловой доброжелательности, дружеской взаимопомощи и человеческой теплоты. «Эта теплота очень согревает нас тут, на вашем Севере»,— сказал мне один из французских специалистов.

...Обсуждены все детали. Советские и французские руководители экспериментов принимают решения: советский старт — в 8 часов 55 минут вечера по Гринвичу, а по местному — ночью, в 23.55. Французский старт — на другой день утром.

Работы по плану «Омега-2» глубоко интересуют ученых. И не случайно сегодня в этом маленьком северном поселке собрались крупные специалисты: академик Р. З. Сагдеев, известный исследователь в области физики плазмы; директор ИЗМИРАНа — головного института Академии наук СССР по проекту «Омега-2», член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Мигулин, работающий в области радиофизики и распространения радиоволн; заведующий лабораторией Института космических исследований АН СССР, доктор физико-математических наук Ю. И. Гальперин, ведущий спутниковые исследования полярных сияний; доктор физико-математических наук С. П. Капица. С ними приехал и представитель совета «Интеркосмос» Н. И. Фаткин.

А в телетайпной непрерывно стучат аппараты. Заснеженный таежный поселок соединен бесперебойной линией связи с Парижем и через него — с Кергеленом. Там, более чем за тринадцать тысяч километров отсюда, сотрудник Тулузского научного центра Жильбер Гассе тоже готовится к старту. Секунда в секунду в разных концах Земли взовьются в небо гигантские змеи, унося в стратосферу научные приборы...

СТАРТ

Ясно. Холодно. В черное стекло неба вморожены неправдоподобно яркие звезды. До запуска еще почти три часа, но все уже собрались на стартовой площадке. Как пригодились нам унты и тулупы, гостеприимно предложенные хозяевами!

Над головой чуть колышется маленький воздушный шарик, высвеченный прожекторами. Он показывает направление ветра. А большого баллона, того, что поднимет в открытый космос научные приборы, еще нет. Его пока безжизненная оболочка спокойно лежит в огромном ящике. Ее выгрузят лишь тогда, когда будет точно подтверждено время старта.

Получены последние сообщения. Старший инженер по старту Юрий Иванович Спирин дает команду:

— Оболочку выгрузить!

Она оживает на наших глазах по мере того, как ее наполняют 1 200 кубических метров сжатого водорода. (После выхода на «потолок» объем аэростата составит более 100 тысяч кубометров.) Баллон раздувается все больше. Он выступает из темноты ночи, серебристый в свете прожекторов, удивительно нематериальный, сказочный, словно гигантское привидение. По опущенным, как руки, полиэтиленовым трубам в него, шипя, врывается водород.

А на стартовой площадке Кергелена тоже, наверное, идет наполнение. У нас ясная ночь и воздух похрустывает, как лед. А там теплый вечер, лето катится к закату, усилились ветры, идут дожди, так мешающие стартовикам.

— Смотрите, полярное сияние,— говорит Юрий Ильич Гальперин.— Очень удачно для эксперимента. Значит, начинается магнитная буря.

Я смотрю в ночное небо, побледневшее от света прожекторов, и не вижу никакого сияния, лишь кое-где мечутся зеленоватые тени. Но Юрий Ильич не ошибся. Это действительно начиналось полярное сияние. Недаром доктор физико-математических наук Юрий Гальперин много лет в Арктике изучал полярные сияния, исследовал их спектры. Вот и сейчас, наблюдая эксперимент, он прикидывает, как использовать высотные аэростаты для дальнейшего изучения этого загадочного явления природы.

...Приехала машина с французскими специалистами. Синие полярные куртки смешались с овчинными тулупами.

— Всем отойти вправо,— командует в микрофон Юрий Иванович Спирин.

И через несколько секунд над аэродромом раздается:

— Старт!

Дежурная Тамара Гужева передает по телетайпу распоряжение руководителя совет-

ской части работ по плану «Омега-2» Игоря Алексеевича Жулина: «Двадцать пять минут назад стартовал советский аэростат с измирановской аппаратурой для исследования рентгеновского излучения. Прошу срочно уведомить все наземные станции, чтобы начали наблюдения».

«Сообщите в Апатиты, когда наберет потолок»,— стучит телетайп. Тамара отбивает ответ: «К двум часам ночи местного времени».

Да, через два часа шар выйдет, как говорят ученые, на плато, достигнет границы атмосферы, автоматически включатся исследовательские приборы и начнут сообщать на Землю информацию из космоса.

Спать никто не ложится. Все ждут. Наконец начальник объединенной советско-французской экспедиции Юрий Михайлович Копылов сообщает:

— Все нормально. Аппаратура работает. Направление полета правильное.

Первыми уходят спать французы. Завтра, вернее, уже сегодня, через несколько часов их старт.

К утру погода меняется. Усиливается ветер. Пасмурно.

На площадке командует Арман Субрие. Все готово к старту. Старт!

Аэростат взмывает над площадкой, над частоколом заснеженной тайги, уменьшается на глазах, тает и, наконец, совсем пропадает на сероватом, слабо светящемся небе.

— Чисто сработано,— одобрительно говорят наши специалисты.

Я спрашиваю Субрие, доволен ли он запуском.

— Да, доволен.

Это то, что ему хотелось, но точно он сможет сказать через два часа, когда включится аппаратура.

А мы через два часа уже будем далеко отсюда, за 66-м градусом северной широты, в старом русском городке Мезени, где находится одна из станций наблюдений ИЗМИРАНа. Приехавшим на старт ученым надо ознакомиться с наблюдениями. Всю ночь вчера из-за нашего запуска там не спали. И сейчас, когда запущен французский аэростат, там тоже наступает горячая пора.

«МЕРИДИАН ДРУЖБЫ»

Пользуясь тем, что сижу в «ЛИ-2» рядом с научным руководителем советской части эксперимента Игорем Алексеевичем Жулиным, расспрашиваю его о плане «Омега-2».

— Пункты в Архангельской области и на Кергелене мы выбрали для работы потому, что эти точки как бы соединены одной силовой линией магнитного поля Земли,— рассказывает Игорь Алексеевич.— Одновременные исследования в этих сопряженных районах при помощи запуска высотных дрейфующих аэростатов — методически новый способ изучения электромагнитных явлений, происходящих в околоземном пространстве. В нашем эксперименте участвуют две пары сопряженных точек. Это научные станции в Карпогорах — Согре и Мезени-Долгощелье — в Архангельской области и на островах в Индийском океане — Кергелене, принадлежащем Франции, и Хёрде, принадлежащем Австралии, где сейчас работают французские исследователи. Вообще-то таких сопряженных точек, то есть точек, соединенных невидимым электромагнитным мостом, можно найти бесчисленное множество. Но беда в том, что если одна из них находится на суше, то другая, как назло,— в океане. На сушу выходят лишь эти две уникальные пары сопряженных точек, в которых мы ведем исследования. Кроме измерений спектра рентгеновского излучения, связанного с полярными сияниями — такие измерения велись нами в прошлые годы,— в ходе экспериментов по проекту «Омега-2» нам удалось провести (впервые в Советском Союзе) измерения электрических полей прямыми методами.

— Чем объяснить таинственное название — «Омега-2»?— спрашиваю я.

— В этом нет никакой таинственности. Просто форма силовых линий магнитного поля Земли напоминает греческую букву «омега», а аэростаты, запущенные на двух концах силовой трубки, у нас и на Кергелене, как бы дорисовывают два хвостика этой буквы.

Взять интервью у руководителя французской части плана «Омега-2» на этот раз мне не удается. Наш самолет идет на посадку в Мезени.

...На Мезенской станции работают трое молодых исследователей — Юрий Ружин, Елена Василькова и Виктор Хвиюзов. С ними знакомишься сразу — их фотографии пришпилены на бревенчатую стену рядом с приборами. Наверное, затем, чтобы не было дежурному одиноко наблюдать длинными зимними ночами: двое других всегда безмолвно присутствуют тут же.

На столе шахматы — партия осталась недоигранной. Сейчас не до игры...

Где-то далеко-далеко от земли дрейфуют запущенные аэростаты. А тут, на станции, приборы внимательно следят за их движением: самописцы делают свое дело, вычерчивая кривые. По ним ученые узнают об излучениях, о магнитных колебаниях, возникших на пути аэростатов. Чтобы увидеть, как это делается, прилетели мы сюда в Мезень.

Информация со всех станций собирается в Архангельской комплексной магнитно-ионосферной обсерватории ИЗМИРАНа — еще на одной станции «меридиана дружбы».

Мы должны лететь туда в вертолете «МИ-2» — иначе не доберешься. Становится все пасмурнее. Закрутила метель. Плохая видимость. Пока вылет откладывается и все греются у печки в дощатом здании аэропорта, беседую с профессором Камбу. Завтра он вылетает назад в Тулузу.

— Только что у меня была радость. Мы сверили записи сопряженных полетов тут и на Кергелене,— говорит Камбу.— Это — большое достижение науки: в первый раз удалось с такой точностью сочетать совместный запуск научных приборов при помощи высотных аэростатов в двух разных точках Земли, соединенных одной силовой линией. Это очень важно для того, чтобы лучше понять процессы вторжения энергичных заряженных частиц в плотные слои атмосферы.

Я вспоминаю, как начиналась наша совместная работа,— продолжает Камбу.— Как четыре года назад мой коллега, а теперь и друг доктор Жулин и я защищали этот проект перед научными национальными и международными организациями. Это было не просто. А теперь наше совместное сотрудничество в изучении околоземного пространства вписано в планы обеих стран и осуществляется с таким успехом, в такой приятной атмосфере.

...Остров Андриянов в Белом море. Село Вознесение. Двухэтажное каменное здание с высоким цоколем. Высокий цоколь — на случай наводнения. По дороге обращаю внимание на какие-то странные сооружения.

— Ледорезы,— объясняет мне Харлампий Дмитриевич Канониди, руководитель группы в лаборатории ИЗМИРАНа, которой заведует И. А. Жулин.

Х. Д. Канониди — начальник всех наземных точек наблюдения, участвующих в проекте «Омега-2». Это к нему и к работающему в обсерватории тулузцу Жану-Полю Трейю собираются все данные о «космической погоде». По команде отсюда осуществляется запуск высотных аэростатов. Отсюда идет управление комплексом исследований в Архангельской области, связь с обсерваториями Полярного геофизического института на Кольском полуострове, связь с ИЗМИРАНом в Москве...

Архангельская обсерватория — хозяйство четы Козловых, молодых научных сотрудников Евгения и его жены Аллы. Особенно напряженные часы бывают у них перед стартом и во время полета аэростатов. От них мы узнаем, что оба высотных аэростата, на запуске которых мы присутствовали,— советский и французский — работали четко по программе. Задача выполнена. Ценная научная аппаратура благополучно опустилась на землю. Завтра утром в районы приземления должен вылететь необычный десант. Корреспондентам «Огонька» разрешено принять в нем участие.

А теперь вернемся к началу репортажа...

НЕОБЫЧНЫЙ ДЕСАНТ

— Следующий!

Инженер Вячеслав Солдатов еще раз проверяет, не забыли ли чего: ракетница, топор, нож, спички... В тайге может всякое случиться.

— Пошел!

Вслед за людьми сброшены лыжи, серебристый рулон железа, на котором, как на салазках, повезут контейнер с аппаратурой.

...Группка людей на маленькой полянке среди тайги. Отсюда километра за два лежит опустившийся на парашюте белый контейнер с приборами, собравшими ценную научную информацию из космоса. Его маяк посылает радиосигналы: «Я тут, идите на мой голос». По этому призыву накануне с воздуха нашли место приземления. С вертолета я видела, как среди деревьев, прикрытых белым ватным покрывалом, вдруг мелькнул полосатый оранжевый шелк парашюта.

Белый контейнер почти зарылся в снег. Его укладывают на импровизированные салазки. Они ползут по снегу, будто ластиком, стирая след лыжни. Контейнер нужно довезти до полянки: над местом, где он приземлился, вертолет не может зависнуть — мешают высокие деревья...

И вновь командир экипажа Александр Васильевич Гусев останавливает машину между небом и землей. Спущен капроновый трос, на котором крепится контейнер. Вячеслав Солдатов коротко взмахивает рукой — готово! Контейнер медленно поднимается в воздух...

Тут можно было бы поставить точку: эксперименты по плану «Омега-2» закончены, программа успешно выполнена. Но в процессе этой работы родились новые научные идеи. Успешно идет подготовка совместных экспериментов под поэтичными названиями «Калипсо» — для исследования частиц низких энергий и нейтронов и «Снег» — для изучения гамма-лучей солнечного происхождения. Вскоре предполагается вывести на орбиту советской ракетой-носителем советско-французский искусственный спутник Земли «Аркад»...

— Советско-французское сотрудничество по исследованию космоса отвечает интересам обеих стран и имеет хорошие перспективы дальнейшего развития,— говорит Владлен Степанович Верещетин, заместитель председателя совета «Интеркосмос» при Академии наук СССР.

— Надо отдать должное энергии людей и порадоваться удачной космической погоде и удачным пускам высотных аэростатов у нас и на Кергелене, которые оправдали все затраченные усилия и дали интересные научные результаты,— говорит о проекте «Омега-2» директор ИЗМИРАНа член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Васильевич Мигулин.— Однако самый важный результат я вижу в установлении тесных дружеских контактов между учеными нашей страны и Франции, в обмене опытом, в тех научных идеях и новых планах, которые родились в процессе работы. Проект «Омега-2» заинтересовал многих крупных физиков, которые внесли в науку, изучающую околоземное пространство, четкую постановку физического эксперимента, активность действия, я бы сказал, некий азарт.

Я слушаю о новых научных планах, будто читаю фантастический роман. Не ждать явлений природы, чтобы наблюдать за ними, а самим создавать их по заказу, например, сотворить искусственное полярное сияние! Но...

Об этих планах писать еще рано, не отработаны отдельные детали, говорят мне.

Рассказ о них еще впереди...

«СОЗДАТЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КРУПНЕЙШУЮ В СТРАНЕ БАЗУ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ...»

Из Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

Вахта Зафара Усманова — одна из лучших на промысле.
Фото автора.

ПОЛЕТ В 1975 ГОД

ПРОЩАЙ, БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК
Специальный корреспондент «Огонька»

Еще пять лет назад здесь, на крайнем севере Томской области, была рыбацкая деревушка, а теперь «газик» бежал по широким улицам поселка Стрежевого, в котором живут двенадцать тысяч нефтяников. Есть, конечно, и строители, и врачи, и повара, и учителя, но все они работают на нефтяников. Ведь именно из-за нефти среди болот Приобья выросли дома, буровые вышки, проложены дороги, нефтепроводы, построены причалы, больницы, школы, клубы — одним словом, все, чтобы могли тут жить и работать добытчики «черного золота».

Ничего бы этого не было, не ударь из скважины, пробуренной Н. И. Пономаревым, фонтан нефти. Случилось это 18 августа 1962 года. А через два года Государственная комиссия приняла решение, в котором говорилось: «...уникальное советское месторождение, расположенное на северной части Ларь-Еганского вала, является многопластовым с небольшой глубиной залегания нефти. Его следует считать одним из основных, на базе которых будет развиваться нефтедобывающая промышленность Западной Сибири».

1 января 1966 года создается новое нефтегазодобывающее управление. Главным инженером, а потом начальником становится Николай Филиппович Мержа — человек баскетбольного роста и порохового темперамента.

— Дорог здесь не было,— вспоминает он,— а завезти надо было все — от гвоздя и ложки до буровых вышек и резервуаров для хранения нефти. Пробили зимники и целый месяц не вылезали из кабин тракторов и машин. Все работы надо было закончить до наступления весны — ведь Обь разливается так, что весь промысел оказывается под водой. Сейчас, правда, для буровых вышек делаем насыпные островки и с них вгрызаемся в землю. А в первые годы все оборудование вывозили на сухое место и ждали, когда схлынет паводок. Нефть, само собой, шла только из тех скважин, которые пробурили зимой... Работали как черти и в июне дали первую промышленную нефть. Торжество было задумано большое, но оно чуть было не сорвалось. Представьте такую картину: по Оби идет лед, танкеры ждут груз, на лихтере вот-вот откроется митинг, над нами вертолеты с гостями, а нефти нет! Что делать? Сели в лодку и давай пробираться вдоль трубы. Смотрю — черное пятно. Все ясно: отсырела прокладка муфты, надо подтянуть гайки. Но как это сделать, если труба под водой, а на реке ледоход? По инструкции положено вызывать водолазов, но на это уйдет не меньше суток, а мы за это время загадим всю речку да и нефти потеряем немало. В лодке было двое бурильщиков — Василий Семенюк и Николай Гузик. Всю зиму работали вместе и ничем особенным не выделялись, а тут переглянулись и крякнули: «Эх, где наша не пропадала!» Разделись и нырнули подо льды. Посидят с полминуты, завернут на несколько оборотов гайку, вынырнут, хлебнут спирту — и опять под воду. Через час в танкеры пошла первая томская нефть. Все лето на рейде толпились нефтеналивные суда, а как только навигация закрывалась, промысел переставал работать. Нефти, как говорится, взахлеб, а вывезти нечем. Так было до шестьдесят девятого года, пока не построили нефтепровод до Нижневартовского. Добыча сразу подскочила до полутора миллионов тонн. В прошлом году мы дали уже три с половиной миллиона, а к концу девятой пятилетки выйдем на рубеж десяти миллионов тонн нефти в год. К этому времени промысел будет полностью автоматизирован, а нефть потечет по новому нефтепроводу в Анжеро-Судженск и дальше в Красноярск, Братск, Иркутск. На нашей нефти начнет работать Томский нефтехимический комбинат, строительство которого намечено в этой пятилетке.

— А что будет с поселком?

— Во-первых, он станет городом. А во-вторых... Знаете что, пусть об этом расскажут строители, им, как говорится, виднее.

Когда я пришел к управляющему трестом «Томскнефтегаз» Геннадию Федоровичу Муравьеву, оказалось, что он уехал на «объекты». Скоро весна, а с ней придет половодье и такое гиблое бездорожье, что даже тракторы вязнут в болотах. Значит, надо закончить строительство бетонной дороги к промыслу, завезти оборудование и вообще как следует подготовиться к весенней осаде.

Встретились мы с Муравьевым во втором микрорайоне Стрежевого. Геннадий Федорович придирчиво ссматривал почти готовый дом и разносил прораба за то, что тот вырубил несколько лишних елок. Я попытался было защитить прораба: тайга ведь!

— Тайга-то тайга,— сердито ответил Муравьев,— но я считаю, что под топор нужно пускать как можно меньше деревьев. А то ведь знаете, как бывает: вырубят вековой кедрач, а потом сажают рахитичные березки. Нет, наш город будет стоять прямо в лесу — это и хороший воздух и защита от ветра. В новом микрорайоне дома будем строить высокие, со всеми удобствами. Четыре самых высоких здания соединим крытыми галереями, в которых разместятся магазины, столовые, библиотеки, клуб и т. п.

...И снова я в дребезжащем АН-2. Но теперь не слышу нудно тарахтящего мотора. Мечусь от иллюминатора к иллюминатору и до боли в глазах вглядываюсь в завитки смерзшейся Оби. Вот лысоватый пригорок. Неужели он?.. Ну, конечно же, мы проезжали мимо на вездеходе — здесь будет насосная станция. А осинки на синеватом снегу? Так это же насыпные островки для буровых вышек. А вот и просека, напролом ринувшаяся сквозь тайгу: теперь-то мне известно, что здесь ляжет труба нефтепровода.

...Прощай, белое безмолвие! В тайгу пришли машины и люди, а куропаткам, лисам, соболям да белкам пришлось отступить в самую глухомань.

Александр ЛАПАУРИ,
заслуженный артист РСФСР

БОЛЬШАЯ МУЗЫКА СЕРГЕЯ ПРОКОФ

Нас всегда поражают люди, способные увидеть то, мимо чего прошли мы сотни раз; услышать то, что было слышано многократно, но не выделено из тысячи окружающих звуков, показать это так, чтобы не только поразить и потрясти увиденным, услышанным, но чтобы показалось вдруг, что создано это о тебе и для тебя... К таким людям относится великий русский композитор Сергей Сергеевич Прокофьев.

Пожалуй, ни один художник не обладал столь огромной сферой творчества, как Прокофьев: от симфонии до популярных песен, от опер до физкультурных маршей, от балетов до музыки к кинофильмам. И все точно, неповторимо.

Слушая Прокофьева, каждый раз поражаешься необычайной образностью его музыки. Перед нами встают живые люди с их тончайшими и бурными переживаниями, именно люди, а не статичные картины, люди неповторимые, дерзновенные, всегда неожиданные.

...«Океан-море» — эпизод из музыки к фильму «Иван Грозный». Казалось бы, сама тема дает право и возможность описания лишь морской стихии. Нет! Это опять человек — не символ, не монумент, а живой, близкий, живущий сейчас, здесь, с тобою рядом. И он не один. Мы ощущаем дыхание многих людей, ощущаем их мощь! Да, они непоколебимы, они непобедимы, эти люди, имя которых — русский народ.

...«Золушка» — сказка со всеми ее милыми атрибутами, живыми временами года... Кто из композиторов не использовал этой темы? И вот Прокофьев. Никакой созерцательности, никакой статики — движение. Движение жизни добрых друзей Золушки. Это — напутствие, это рассказ, а не музыкальная вариация. Рассказ, помогающий Золушке. Это сказка, которая оживает на наших глазах, и нам дороги переживания Золушки и ее друзей, как бывают дороги переживания только самых близких людей.

Прокофьев удивительно современен. И современен не сегодняшним, а завтрашним днем. Когда слушаешь его музыку, тебя охватывает чувство, как будто вот сейчас, сию минуту ты первый услышал о том, что должно произойти, и что ты не можешь сейчас же не встать, не вмешаться, не действовать...

Величие созданного познается на расстоянии, но расстояние это не удаляет, а приближает нас к великому.

Самым плодотворным для Прокофьева был период 30—50-х годов. И это закономерно для художника такого масштаба и такой правды жизни. «Музыку прежде всего надо сочинять б о л ь ш у ю, то есть такую, где и замысел и техническое выполнение соответствовали бы размаху эпохи»,— писал Прокофьев. Его не могли не захватить те свершения, к которым шли советские люди, умеющие созидать и защищать плоды своего творчества. Да, именно в это время во всю мощь раскрылся талант композитора Прокофьева, композитора-гражданина. Один только перечень произведений, написанных в те годы, дает представление о грандиозности духовного подъема музыканта и его Родины: кантата «Александр Невский», оперы «Семен Котко» и «Война и мир», балеты «Ромео и Джульетта», «Золушка», кантата «К 20-летию Октября», «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», три последних симфонии...

Появление фильма «Александр Невский» с музыкой Прокофьева было не случайным. Два выдающихся художника — Сергей Эйзенштейн и Сергей Прокофьев — как бы отразили в художественной форме тот высокий накал патриотизма, которым был охвачен советский народ, уже тогда понимавший смертельную опасность фашизма. Поэтому выбор сюжета и само произведение, сохраняя историческую правду, были необыкновенно современны, актуальны и, самое главное, были устремлены в будущее. Эту же тему, тему борьбы народа с иноземными захватчиками, в другом жанре и совершенно другими художественными приемами раскрывает Прокофьев в опере «Семен Котко». Совсем недавно эта опера получила новую жизнь на сцене Большого театра в прекрасной постановке режиссера Б. А. Покровского.

Ощущение нравственной чистоты и цельности молодежи самой юной в то время страны на земле, ее бескомпромиссности в борьбе с мраком косности отразил композитор в музыке к балету «Ромео и Джульетта».

А если вспомнить произведения, написанные в годы Великой Отечественной войны... Музыка к кинофильмам «Котовский», «Партизаны в степях Украины», к первой серии «Ивана Грозного»... И, наконец, поистине грандиозная музыкальная эпопея «Война и мир». В этих произведениях со всей художественной правдой раскрылся гражданский пафос творчества великого Прокофьева. И опять исторический сюжет прочтен глазами современника. Тема войны и мира решена с позиции русского советского человека, с позиции, возвышающей человека — человека сильного не только оружием, сильного духом, защищающего свою Родину. Тема патриотизма достигла высшего своего проявления. Так о Родине мог написать только художник, кровно связанный с культурой и народом своей земли.

Лаконичность и точность были свойственны Прокофьеву-человеку, и эти качества удивительным образом отразились в его творчестве: ничего лишнего, ничего случайного, тончайший расчет и величайшее чувство правды. Не достоверности, а правды искусства.

Еще одна черта Прокофьева-человека — бескомпромиссность. И она тоже присутствует во всех его произведениях. Если Прокофьев любит своего героя, то любит без оглядки, с той щедростью и одержимостью, что не могут никого оставить равнодушным. Вспомните Джульетту, Ромео, Золушку, вспомните Александра Невского.

Но страшен прокофьевский гнев. Сильнее камня из пращи разит его марш тевтонских псов-рыцарей из фильма «Александр Невский». А сколько едкого сарказма в музыке к «Поручику Киже»! Это не добрая улыбка автора оперы «Обручение в монастыре», а хлесткая издевка. И рядом совсем другое—пушкинские вальсы, маленькие поэтические новеллы. Но опять за всем этим—люди, люди, наделенные трепетной неповторимостью, их судьбы...

Музыка Прокофьева, подобно солнечному лучу, пробуждает какое-то неосознанное торжество жизни, радость бытия, радость победы над темным, злым, ничтожным. В самых трагедийных ситуациях, казалось бы, неразрешимых конфликтах появляется этот прокофьевский луч и освещает надежду, освещает веру в победу добра над злом.

Я имел счастье держать в руках отдельные рукописи Прокофьева и работать с ними. И тут для меня открылся Прокофьев совершенно новый. Художник, известный своей требовательной строгостью к себе и другим, зачастую пунктуальный до педантизма, вдруг разрешает творчески свободно обращаться со своей музыкой, написанной для кино и спектакля. По всем авторским замечаниям, ремаркам видно: Прокофьев понимает, что он выступает не один, а в соавторстве или с кинорежиссером, или с постановщиком драматического спектакля. Щедрость доверия Прокофьева строится на том, что он осознает необходимость создания нового, полноценного синтетического произведения, где музыка будет выступать в содружестве с другим видом искусства.

Влияние прокофьевской музыки огромно. Я лишь коснусь хореографии. Не случайно спектакль «Ромео и Джульетта» стал одной из вершин советского балетного театра. Музыкальная драматургия Прокофьева потребовала иных, более глубоких психологических решений хореографических образов. Поиски этих решений не могли не сказаться на формировании балетного актера. Самое высокое техническое совершенство оказалось недостаточным. Потребовалось расширение и углубление понимания музыкальной драматургии. Не все деятели балета смогли сразу постигнуть и оценить то новое, прогрессивное, что несли с собой произведения замечательного реформатора музыкального театра. И тут нельзя не вспомнить тех, кто первым не только принял, но и постарался воплотить идеи и замыслы композитора. Это балетмейстер Л. Лавровский, художник П. Вильямс — постановщики балета «Ромео и Джульетта»; балетмейстер Р. Захаров и тот же художник П. Вильямс, поставившие «Золушку». На протяжении тридцати лет балет «Ромео и Джульетта» является гордостью советского музыкального театрального искусства; спектаклем, раскрывшим дарования целой плеяды замечательных мастеров хореографии, спектаклем, который многократно представлял наше искусство за рубежом.

Интересно проследить его непрерывное эволюционное созревание. Мне посчастливилось посмотреть недавно кинопленки, снятые на первых спектаклях «Ромео и Джульетты», а вскоре после этого увидеть фильм-балет, где те же исполнители снимались через несколько лет. Здесь я наглядно убедился, как зрело мастерство актеров, проникая в музыкальную душу спектакля. Пройдет еще много лет, и будущие актеры откроют для себя новые грани этого сверкающего алмаза.

Истоки творчества Прокофьева восходят к расцвету «Могучей

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ЬЕВА

кучки» и особенно близки к великому Мусоргскому.

Первым большим музыкантом-педагогом юного композитора был Рейнгольд Морицевич Глиэр. Светлые воспоминания о нем сопровождали Прокофьева на протяжении всей жизни.

В формировании юного таланта участвовали выдающиеся русские музыканты — Танеев, Римский-Корсаков, Глазунов.

Но Прокофьев нашел свое продолжение, создал свою горную вершину; красотой и величием ее любуются и будут любоваться многие и многие поколения людей.

Композитор никогда не шел по проторенному пути. Все, что слышал и воспринимал Прокофьев,— как это всегда бывает у каждого истинного художника,— проходило сложнейший путь опосредования и, только получив совершенно новую, прокофьевскую интонацию и выражение, обретало жизнь.

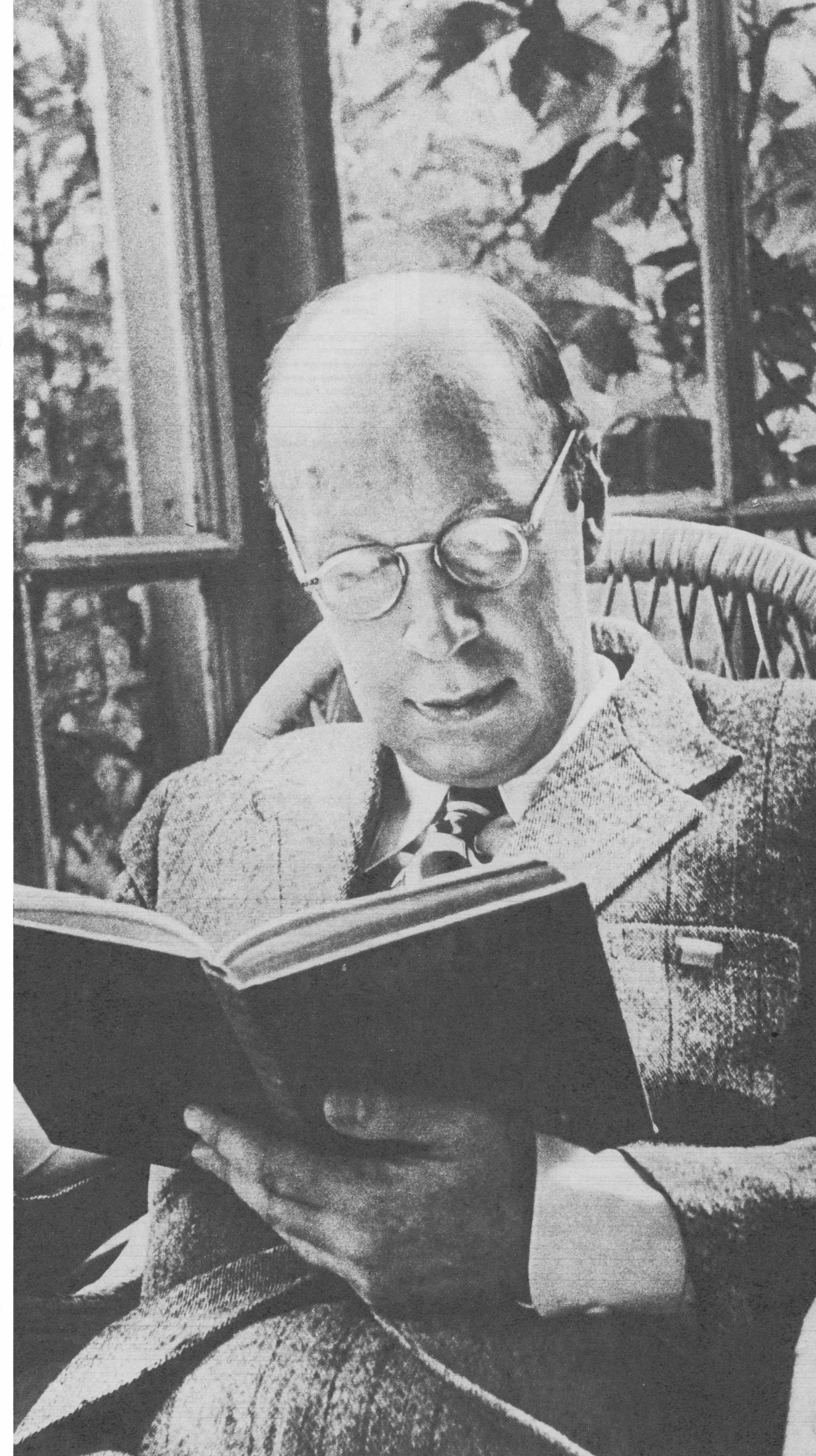
Если говорить о традиции в музыке Прокофьева, то это традиция русской музыки в ее развитии, в движении.

Композитор оставил нам свою автобиографию, ряд критических и полемических статей. Изложены они в свойственной Прокофьеву сжатой и лаконичной форме. Но сколько же в них острой наблюдательности, сколько точных образных определений и глубоких принципиальных мыслей.

«...Сейчас не те времена, когда музыка писалась для крошечного кружка эстетов,— замечал с уверенностью Прокофьев.— Сейчас огромные толпы народа стали лицом к лицу с серьезной музыкой и вопросительно ждут. Композиторы, отнеситесь внимательно к этому моменту: если вы оттолкнете эти толпы, они уйдут к джазу или туда, где «Маруся отравилась и в покойницкой лежит»; если же вы их удержите, то получится такая аудитория, какой не было нигде и ни в какие времена, но из этого не следует, что надо подлаживаться под эту аудиторию. Подлаживание таит в себе элемент неискренности, и из подлаживания никогда ничего хорошего не выходило. Массы хотят большой музыки, больших событий, большой любви, веселых плясок. Они понимают гораздо больше, чем думают некоторые композиторы, и хотят совершенствоваться».

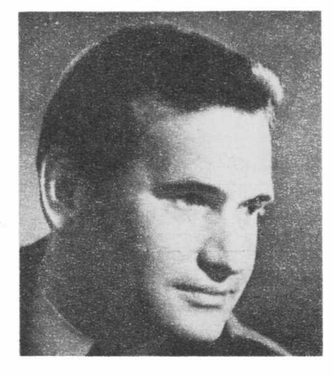
Эти слова, как и все, что создал великий русский советский композитор Сергей Прокофьев, живут с нами сегодня и вместе с нами устремлены в завтра.

Фото Е. УМНОВА.

РАДИ ЖИЗНИ И

Евгений АНТОШКИН

Впервые со стихами молодого поэта Евгения Антошкина я встретился на страницах журнала «Молодая гвардия». Стихи привлекли мое внимание своей свежестью и чувством поэтического слова.

Первая книга стихов поэта, «Огниво», и вышедший недавно второй сборник его стихов, «Голубая береста», подтверждают рост Е. Антошкина как поэта. Радует и его новый цикл стихотворений, свидетельствующий о закреплении поэтических позиций и о дальнейшем совершенствовании стиха. Такие же стихотворения, как «Проводы Рыленкова» и «Пурга», надолго остаются в нашей памяти.

Александр ПРОКОФЬЕВ

* * *

Поля прекрасные России,
Над ними солнце не зайдет.
И, словно капельки росинок,
В колосьях спелых
Зерен мед.

От зноя жарко под рубахой.
Страда —
И вся земля в огне.
И думает о хлебе пахарь,
И пахнет Родиною
Хлеб.

ПРОВОДЫ РЫЛЕНКОВА

От города до перелеска
Все небо мгла заволокла,
Когда по улицам Смоленска
Толпа безмолвная текла.

Казалось, древний город стонет —
Так скорбь его сильна была.
Стихов поэта тонкий томик
Девчушка, как венок, несла.

Поэт уснувшим ей казался,
Плывущий на плечах друзей.
А он лежал и удивлялся
Сам неподвижности своей.

Над ним такие ветры выли,
Он столько испытал всего...
И, как солдата, положили
На Братском кладбище его.

* * *

Встану рано,
Пойду наудачу,
Где в снегах утопала тропа,
Где пригорок под солнцем горячим
Прошлогодней травою пропах.
По дорогам лесным, и по весям,
И по ласковым дням заскучал.
По весенним измаялся песням,
Загрустил по веселым ручьям.

С крыши тренькнет последняя льдинка
И мотор зачихает вдали —
Все как было,
Лишь рядом с тропинкой
Две машинных бегут колеи.

С ОТКРЫТОЮ Д

Виктор СМИРНОВ

Лучшие качества поэтической натуры Виктора Смирнова — доброта и чистосердечие. Молодой поэт безыскусственно добр к людям, животным, земле и небу. Любовный взгляд, каким он следит за любимыми предметами, бывает порой очень точен.

Детство поэта было достаточно трудным, как у всех детей в военные и первые послевоенные годы. Отчетливо хорошее стихотворение «Два года жили мы без крова» свидетельствует об этом. Как трогательно звучат такие, к примеру, строки:

> Тогда мы рано спать ложились:
> Во сне не голодно. Легко...
> И мимо хаты по ложбинам
> Текло туманов молоко.

Виктор Смирнов вообще чутко чувствует природу. Это дает ему возможность создавать протяженные лирические образы, опирающиеся именно на такое обостренное восприятие.

За годы учения в Литературном институте поэт духовно вырос, стих его стал глубже и значительнее, наблюдения начали сопровождаться размышлениями. Природный его талант еще нуждается в дальнейшей шлифовке, но написанное им, бесспорно, заинтересует читателей и критиков очевидной свежестью чувства и взгляда. Причем взгляда не только на детали, а доброго и ясного взгляда на всю нашу действительность.

Сергей НАРОВЧАТОВ

РУССКОЕ ПОЛЕ

О родные поля,
я в долгу перед вами,
Потому что вы с детства
кормили меня.
Набегала к избе
рожь тугими волнами,
Низко кланялась полюшку
мама моя.
Жили бедно.
Жалка ты, домашняя утварь!
Хлеб, однако, дышал постоянно в деже.
И такая широкая русская удаль
Не от поля ли русского
нынче в душе?
Я стою у ракиты.
От края до края,
От избы и до синего бденья рощ,
Заходящему рыжему солнцу кивая,
Задушевно и грустно волнуется рожь...
Я любить тебя буду
и нынче и после.
Я ведь вырос, как песня,
у рощ, у межи.
Разреши быть с тобою мне, русское поле,
Расцветать и звенеть
на ветру разреши!
Я от доброго сердца
богатства не прячу,
У родного плетня вдохновенно дыша.
Мама! Мама!
Так что же с того,
что я плачу?
Не от горя —
от радости плачет душа.
Что я вырос вот здесь.
Что родился в деревне.
Что плясал и пляшу
под гармонь на лугу...
Ах ты, русское поле,
широкое, древнее,
Пред тобою всю жизнь свою буду в долгу!

БЛИЖЕ ВСЕХ МНЕ, КОНЕЧНО, ЕСЕНИН

Ближе всех мне, конечно, Есенин.
Потому ли, что сам из села,
Потому ль, что сугробы нам в сени
Золотая метель намела.

Налипает листва на колеса,
Отражаясь в глазах у коня.
Стая рыжих берез среди сосен
Приглашает к раздумью меня.

Забываю обиды, печали,
Пышной прелестью леса шурша.
Только здесь, на родимом причале,
Постигает земное душа.

Здесь, где жарко пылает осина,
Вижу Родины мощь и красу.
И щемящее слово — Россия —
С новой силою произнесу!

С уважением кланяюсь кленам,
Сердцем слушаю шелест ольхи.
И с есенинским нежным уклоном
На бумагу ложатся стихи.

Не гонюсь я за слов дешевизной,
Но и слез огорченья не лью,
Если строчка моя об Отчизне
На его попадет колею.

Я противник поэзии модной,
Что гремит вроде бочки пустой.
Восхищаюсь я песней народной
И крестьянскою мыслью простой.

ЧЕСТИ РАДИ

* * *

...скифы! —
Наполеон

Вились трубы,
Как шеи грифов.
Ни души,
Только ветра плач.
И шептал он угрюмо: — Ски-фы! —
Зябко кутаясь в теплый плащ.

Миф величия прежней развеялся
На штыках, на полях Руси,—
Он на что-то еще надеялся,
Отомстить кому-то грозил...

Ради жизни и чести ради
С ним затеял последний спор
Бородатый кряжистый мой прадед,
Под полою пряча топор.

Не признал он его ореола.
Гнал незваных гостей назад.
Пепелищами русские села
Обжигали ему глаза.

Не видавший ни книг, ни тетрадей,
Зло на пленных глаза скосив:
— Ски-фы! — горько шептал мой прадед
Слово, вымершее на Руси.

ПУРГА

Солнце яро искри́тся
В снежной мгле, в снежной мгле.
Свет сквозь стекла струится
В феврале, в феврале.

И дымок осторожно
Из трубы, из трубы.
На сто верст бездорожье —
Снеговые горбы.

Заблудиться не хочешь,
Не пускайся в снега.
В заоконье хохочет
Озорная пурга.

И врывается в хаты
Зимним стоном совы.
Даже крыши горбаты
От причуд снеговых.

А под вечер стихает
И никак не поймет,
Что за сила такая,
Ей уснуть не дает

* * *

Вновь, как раскуренная трубка,
Дымит и светится восход.
С куста взлетевшая голубка
Все медленней крылами бьет.
И слышно, как шумят колосья,
И где-то в стороне шоссе.
И человек пугливей лося
Идет по огненной росе.

* * *

Потемнела в реке вода,
За деревней
Заторы льда.
Снял пригорок
Снежный платок,
И подснежник
Зажег свой цветок.
Загудела над ним пчела
И пыльцу хоботком сняла.
Вышел лось —
И, довольный всем,
Первый след проложил по росе.
Мудрый грач проснулся от сна,
И тихонько качнулась сосна.
И под гул пробудившихся рек
В удивленье застыл человек...

Москва

УШЮЮ РУССКОЙ...

Озаренный пожаром осенним,
Я иду — и дорога светла...
Ближе всех мне, конечно, Есенин,
Потому что я сам из села!

* * *

Сестре Тамаре

Работа эта мне знакома,
Но воз наложишь не всегда.
Ржаная скользкая солома
Течет с телеги, как вода.

Я весь пропитан духом хлеба!
Душа крестьянская поет.
И вилами с земли на небо
Сестра охапки подает.

Вознесшись дерзко над полями,
Невольно я собой горжусь,
Поскольку вровень с облаками
На шаткой должности тружусь.

Да и сестра с ухваткой ловкой
Бросает — любо посмотреть!
Надежно толстою веревкой
С телегою скрепляем жердь.

И вот ни валко и ни шатко
Везет по жесткому жнивью
Привыкшая к труду лошадка
Поклажу тяжкую свою...

С делами справившись колхоза,
Стараться для себя не лень.
Скрипят веселые колеса,
Играют радостно весь день.

И мама расцветает розой,
В час поздний выйдя на порог:
В соседстве с золотой березой
Такого ж цвета вырос стог.

И месяц молодой с участьем
Усердно светит в вышине.
И верю я: простое счастье
Все время будет жить во мне.

А трудно станет — я ведь дома.
Меня здесь каждый встретить рад.
К тому же дома и солома
Порой едома, говорят...

ВЕСНА

По горло затопить осины
Реке случалось не всегда...
Сегодня снова стала синей
Вчера лишь мутная вода.

И голос подает лягушка.
И тихим майским вечерком
Благообразная старушка
Плетется к хате с посошком.

Ах, этот мир прекрасно создан!
Огни в селе у нас горят.
И многочисленные звезды
На землю с завистью глядят.

И, словно радостные слезы
Из чьих-то очень темных глаз,
Прозрачный, сладкий сок березы
В посуду падает сейчас.

И как мне выразить, не знаю,
Жизнь встрепенувшейся души?
И долго я не засыпаю
И думу думаю в тиши...

Лучом рассвет, веселый, розовый,
В окошко постучит: «Вставай!»
Бегу к березам... Сок березовый,
Сверкая, льется через край.

Земные звуки ловит ухо.
Скворец ликует в вышине.
Идет по стежке молодуха —
Не смалодушничать бы мне!

Любуюсь медленным рассветом
И пробужденьем земли...
Весна! Весна!.. И нас об этом
Оповещают журавли.

* * *

Дом как дом. Чугунки да ухваты,
И на скатерти — свет от звезды...
Но венком расцветают у хаты
Золотою весною цветы.

О колодезь, любви соучастник,
Ты для нас ничего не жалей
И прозрачного, чистого счастья
Милой полные ведра налей!

Пусть потомству
расскажет травинка,
Что счастливее нас не найдешь.
Это нашего счастья тропинка,
По которой ты воду несешь.

Взглядом долгим тебя провожаю.
Ах, краса — не отыщешь пера!..
И к горячим устам прижимаю
Все ромашки во имя добра.

Деревня Киселевка,
Смоленской области.

ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ!

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ

Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

ПОИСК ПРИВЕЛ В ЗАРЕЧЬЕ

Четверть века назад, еще школьником, я впервые переступил порог этой тихой квартиры в доме на улице Серафимовича. И, помню, квартира поразила меня книгами на полках вдоль всего коридора, в шкафах каждой комнаты. Нет, не самим обилием их, а тем, какие то были книги — на рыхлой, шершавой бумаге, в тонких картонных обложках или вовсе без них. И буквально каждая — в щетине закладок. То были издания самых первых месяцев и лет революции. И еще производили впечатление полки, заставленные разномастными томиками; на корешках их на десятках языков — латинским шрифтом и арабской вязью, китайскими иероглифами и кириллицей — повторялась фамилия «Карпинский». То были «Беседы о ленинизме», «Беседы о социализме», «Беседы о коммунизме», книги о правах и обязанностях граждан СССР, о Ленине — множество книг, написанных хозяином квартиры, одним из старейших членов Коммунистической партии, выдающимся советским публицистом Вячеславом Алексеевичем Карпинским.

Школьником, студентом, а потом уже журналистом я снова и снова приходил в дом на улице Серафимовича и неизменно заставал одну и ту же картину: из-за затворенной стеклянной двери в конце коридора доносился перестук пишущей машинки, будь то в девять утра или в восемь вечера; и только в строгие перерывы дверь отворялась, и быстрыми шажками выходил невысокий старый человек с редкими, вздыбленными на темени волосами, с седыми усами и бородкой клинышком.

В 1962 году я получил задание редакции «Комсомольской правды» написать в номер, посвященный 50-летию «Правды», очерк о Карпинском, старейшем партийном журналисте, и уже в новом качестве пришел в этот дом, чтобы взять у Вячеслава Алексеевича интервью. И вот тогда-то как коллега был приглашен в заветный кабинет за стеклянной дверью. И обнаружил те же стеллажи с книгами в желтых картонных обложках, собрания и издания отдельных произведений Ленина, от самых первых, старинную настольную лампу под зеленым абажуром. К абажуру были прикреплены полоски бумаги с заметками для памяти. Стол был завален исписанными и исчерканными страницами, посредине его возвышался «Ундервуд» со сбитыми клавишами. А на стене, над столом, висел большой, незнакомый мне портрет Владимира Ильича. Тогда, в разговоре с Вячеславом Алексеевичем, я узнал, что на «Ундервуде» он еще в эмиграции, в Женеве, в начале века перепечатывал рукописи ленинских работ; портрет же, действительно редкий, подарила ему в 1924 году Мария Ильинична Ульянова.

Я расспрашивал Вячеслава Алексеевича о том, как он начинал свой революционный путь, как впервые встретился с Лениным, что делал в партии за шесть с половиной десятилетий... Карпинский обстоятельно отвечал. Тогда-то я и спросил:

— Вячеслав Алексеевич, в одной из книг вы рассказали о своей работе в «Бедноте» и написали...— Я заглянул в блокнот: — «У меня сохранился крошечный клочок бумаги, унизанный бисерным почерком Владимира Ильича...» Можно глянуть на него?

— Если бы было можно...— Веселая усмешка сменилась на его лице выражением тревоги.— Эх, если бы...

Он с минуту помолчал.

— Те строки были написаны мной еще в двадцать четвертом году. После смерти Владимира Ильича решением XIII съезда партии был открыт Институт Ленина. Съезд посчитал необходимым, чтобы все учреждения и все граждане, у которых хранятся письма, рукописи Ильича и любые другие документы, имеющие непосредственное отношение к его деятельности, сдали их в Институт Ленина — единственное государственное хранилище всего ленинского наследия.

Карпинский помолчал и еще более озабоченно продолжил:

— Я хранил десятки писем Ильича, адресованные лично мне. И, конечно же, я все отдал в Институт Ленина. Часть этих писем сначала была опубликована в XI Ленинском сборнике, а потом они вошли в Сочинения.

Он нахмурился:

— Я сдал абсолютно все. Но по сей день меня тревожит судьба двух писем — чрезвычайно, необычайно важных!

Он привстал и привычным движением снял с полки томик, раскрыл на одной из закладок:

— Вот, посмотри, одно опубликовано: «26/I. 1922».

«т. Карпинский!

Не напишете ли мне кратко (2—3 странички maximum)...»,— начал он цитировать и остановился.— Но печатается оно в Сочинениях по копии, воспроизводящей рукопись. А где же сама рукопись, оригинал?.. Второе письмо было отправлено мне Ильичем 23 марта того же двадцать второго года...

Вячеслав Алексеевич перелистал несколько страничек и закрыл томик.

— А второго так и нет, даже в копии. Что случилось с ними? После того, как я сдал оригиналы ленинских писем в институт, мне прислали их фотокопии. Среди фотокопий этих двух писем не было... Я множество раз спрашивал у товарищей в институте, но неизменно получал ответ: в хранилище этих писем нет. Но я же отдал все, до последней бумаги — иначе и не могло быть. Сотни раз я пересматривал и свой архив. Нет их! Это какая-то загадка!..

Он разволновался. Беседа наша не клеилась. Я попрощался и вернулся в редакцию.

Поздним вечером накануне 5 мая в типографии, когда я ревниво наблюдал, как верстальщик на талере укладывает в прокрустово ложе газетной полосы мой очерк, поступило сообщение ТАСС о присвоении четырем старейшим работникам «Правды» за многолетнюю самоотверженную работу и большие заслуги в организации и развитии партийной и советской печати звания Героев Социалистического Труда. Среди этих четверых был и Вячеслав Алексеевич Карпинский.

Беседа с Вячеславом Алексеевичем взбудоражила мое журналистское воображение, и в долгосрочных своих планах я сделал зарубку: обязательно вернусь к изучению жизни Карпинского — но уже обстоятельно и серьезно. И, может быть, хотя это кажется нереальным, помогу ему раскрыть загадку исчезновения двух писем Ильича.

...Через некоторое время, находясь в далекой длительной командировке, я узнал, что Вячеслава Алексеевича не стало... Вот так: самое, может быть, важное свое дело, даже наметив его к исполнению, мы отодвигаем на неопределенное будущее, а когда решаем подступиться к заветному, оказываемся перед невозвратимыми потерями. Сколько раз в последующие годы я ловил себя на мысли: «Если бы можно было спросить у самого Вячеслава Алексеевича, у него уточнить, проверить...»

И еще тогда, получив тяжелую весть, я решил: попытаюсь восстановить биографию Карпинского, заведомо интересную уже тем, что Вячеслав Алексеевич был членом партии со дня ее основания и двадцать лет работал под непосредственным руководством Владимира Ильича, из них тринадцать — в эмиграции, встречаясь с ним зачастую каждый день. И сто писем, опубликованных в Собрании сочинений Ленина и адресованных Карпинским,— сами по себе волнующая повесть об их доброй и незыблемой дружбе.

И я приступил к сбору материалов.

Жена Карпинского Ирина Семеновна, которая многие годы была первой помощницей во всех его работах, ознакомила меня с документами, хранящимися в квартире на улице Серафимовича. Она показала объемистую папку с теми самыми фотокопиями ленинских писем, оригиналы которых Вячеслав Алексеевич сдал в ИМЛ. Каждую фотокопию Карпинский заключил в отдельную обложку, пометил: когда было написано и по какому поводу. В этой же папке оказался и небольшой конверт с надписью: «Мои письма Владимиру Ильичу». Четыре листка хранили орфографию и стилистику дореволюционной поры. Все они были датированы 1914 годом, были связаны с моментом возобновления выпуска центрального органа партии — газеты «Социал-Демократ» — и как ответы на письма Владимира Ильича могли более всесторонне раскрыть содержание ленинских строк.

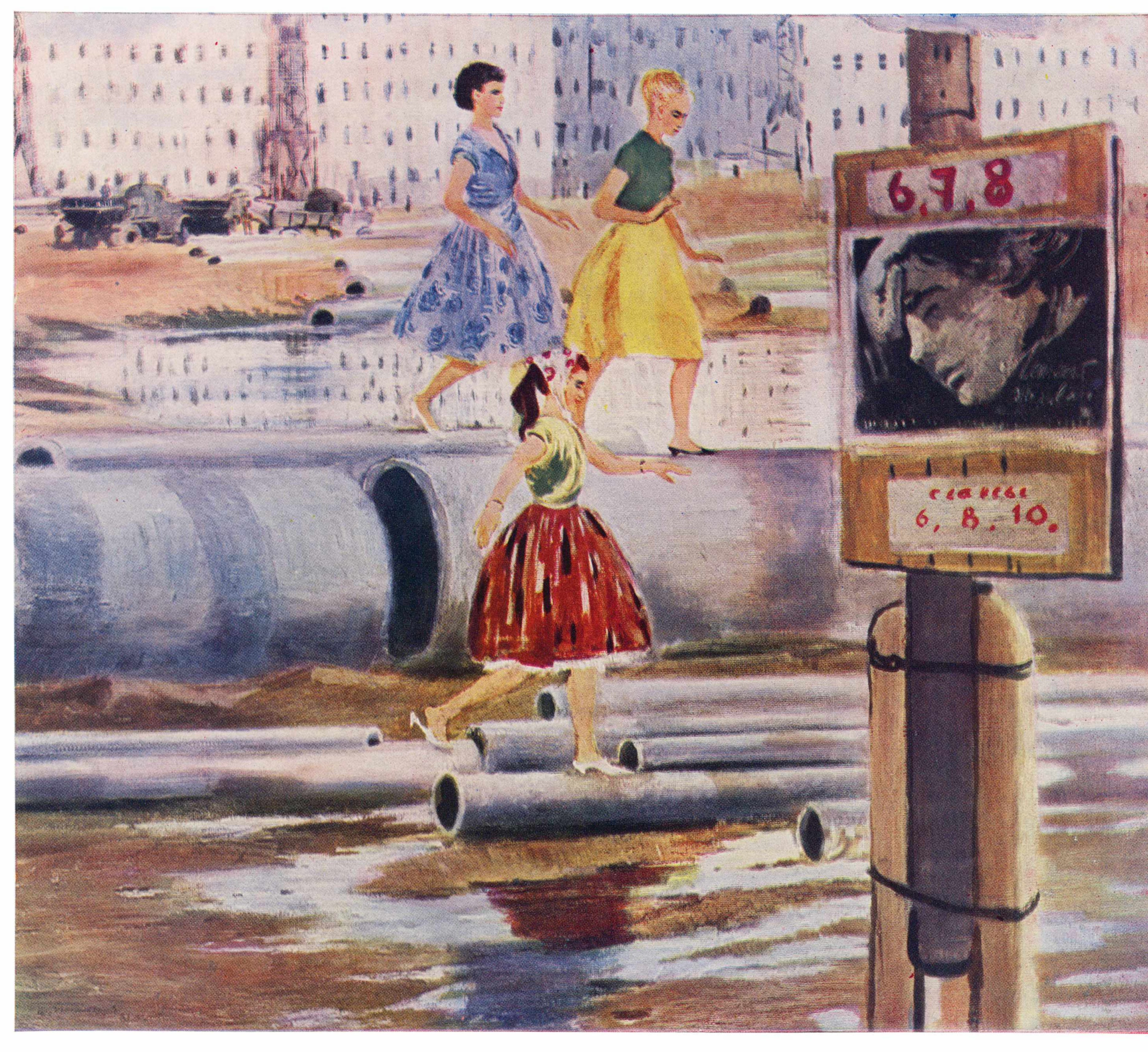
— Вячеслав Алексеевич очень берег эту папку,— ревниво наблюдая за тем, как я перебираю странички, сказала Ирина Семеновна.— Он не разрешал заглядывать в нее никому... Он так переживал из-за тех двух ненайденных писем, говорил мне: «Неужели они пропали? Это немыслимо!..»

Конечно же, и мне папка с фотокопиями не дала ответа на загадку.

С улицы Серафимовича я перекочевал в читальные залы хранилищ Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма и Центрального государственного архива Октябрьской революции. Удалось обнаружить немало ценных документов.

Побывал я и в местах, где работали Ленин и Карпинский,— в Женеве, Париже, Стокгольме... Посчитав, наконец, что собрано все возможное и пора приступать к повествованию, я сел за стол. И как раз в этот момент Ирина Семеновна предложила:

— Приезжай на дачу в Заречье — у нас здесь хранятся корзины с какими-то бумагами. Они перевезены сюда несколько десятков лет назад. Не думаю, что там может быть

Ю. Пименов. ПЕРВЫЕ МОДНИЦЫ НОВОГО РАЙОНА.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

Б. Окороков. ДО СВИДАНИЯ, ЗЕМЛЯ.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

И. Шевандронова. ПУТИ-ДОРОГИ ЮНОСТИ.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

что-либо важное, сам Вячеслав Алексеевич никогда в них с той поры не заглядывал. Но все же, если хочешь, посмотри.

Вот и он — дом под кронами мачтовых сосен, на самом берегу реки. Ирина Семеновна проводила наверх, на застекленную веранду, принесла маленькую электрическую лампу.

Веранда много лет уже была нежилой. На полу вдоль стен и окон лежали стопы обожженных солнцем газет, а посредине громоздились три плетеные ивовые корзины. Я поудобнее уселся и раскрыл крышку той, что оказалась поближе. В корзине, плотно прижавшись друг к другу, притершиеся временем, лежали пакеты, крест-накрест перевязанные бечевками. Взял первый попавшийся под руку, развязал бечевку, развернул. Вырезки из старых газет с блеклыми карандашными пометками. Второй пакет: разрозненные странички старых рукописей. Третий: брошюрки о садоводстве и цветоводстве (Вячеслав Алексеевич и на девятом десятке любил копаться в земле, выращивать деревья и цветы). Потом — снова пакет с газетными вырезками. И так вся корзина.

Я пододвинул стул ко второй корзине. Старые, первых революционных лет, газеты. Опять связки рукописей, варианты опубликованных статей и книг, вырезки, подобранные по узкоспециальным темам экономики и вопросам кооперации в деревне.

Последней под всем этим ворохом лежала обтрепанная папка. На наклейке было написано: «Красная Звезда». Так назывался агитпароход ВЦИК, который в 1919 году по прямому указанию Ленина отправился по Волге и Каме. В том первом рейсе участвовала Надежда Константиновна Крупская. Владимир Ильич хотел привлечь к поездке и Алексея Максимовича Горького. Ранее мне уже было известно, что комиссаром «Красной Звезды» во время второго рейса в следующем, 1920 году был Карпинский. Что ж, кажется, новые, ранее неизвестные материалы.

Я отложил папку в сторону, закрыл вторую корзину и приступил к третьей. Опять вырезки, рукописи, старые газеты... А вот большие, вчетверо сложенные оборотной стороной плотные листы, с размашистой надписью по верхнему: «Плакаты гражданской войны. Трудовые и военные». Я начал осторожно разворачивать их, раскладывать на полу. «Враг у ворот!!! Все на защиту Петрограда!» — бил в набат рабочий. «На коня, пролетарий!» — размахивал саблей и знаменем красный кавалерист. На каждом плакате — характерное для тех лет суровое предупреждение: «Всякий, срывающий этот плакат или заклеивающий его афишей, совершает контрреволюционное дело».

Под плакатами лежал объемистый пакет. Из него торчали листки. Я стал их перебирать. Это оказались красноармейские записки, поданные на митингах в президиум, политкомиссару 10-й армии Восточного фронта. В скупых и корявых строчках — думы, тревоги и чаяния тех, кто в решающем 19-м сражался против Колчака. Тут же несколько писем с одинаковым адресом: «Получить товарищу В. И. Ленину», «Прошу передать товарищу В. И. Ленину», «Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину»... Конверты распечатаны, прямо на них — резолюции: «Копию в ЦК и Калужс. Компарт. Им сообщить в газете: послано по адресу»; «Ответить в «Солдате Революции», что семьи их будут обеспечены, как только будут освобождены от врага местности, где они живут...»; «Ваше письмо послано по назначению...» Чьи это резолюции? Как попали письма и записки к Карпинскому?

А вот еще одна папка. С пометкой: «Моя работа как заграничного представителя ЦК». Открываю. Письма, документы, датированные 1917 годом, с момента начала Февральской революции в России, и связанные с отъездом первой группы политэмигрантов во главе с Лениным из Швейцарии на родину, в Петроград. Читаю:

«10.IV.917. Уважаемый товарищ... 1) Посылаю Вам русский текст «Прощального письма» тов. Ленина. 2) Тов. Ленин передал...»

«13.IV.1917. Дорогой товарищ... Я забыл исполнить одно поручение т. Ленина. У Вас находятся его книги со штемпелем «Vl. Oulianoff». Эти книги я должен был взять у Вас...»

Письмо: «Уважаемый товарищ! На днях я вернулся из поездки в Петербург... Владимир Ильич просит Вас выслать ему рукописи, а именно: 1) Конец аграрной статьи и 2) статьи о самоопределении национальностей.

Если у Вас нет передаточного адреса в Стокгольме, пользуйтесь моим: V. Vorovsky. Birger Jarlsgatan. 14 III Stokholm. Schweden.

12. VI. 17. с товарищеским приветом П. Орловский».

Расхождений в подписи и в адресе нет: известно, что Орловский — это партийный псевдоним Вацлава Вацлавовича Воровского...

Листаю дальше. Бланк: V. Oulianoff. 3. Rue de la Colline, 3. Jenéve. (Suisse).

На бланке — черновик — набросок рукой Карпинского письма большевистским секциям политэмигрантов в Швейцарии:

«Дорогие товарищи!
После длительного перерыва снова представилась возможность поехать в Россию...»

Дата 4.XI.1917 — за три дня до Великой Октябрьской революции. Этот документ связан с отъездом на родину последней группы эмигрантов-ленинцев.

Еще одно письмо, помеченное «2.III.1908». Наискосок — чернильный штамп, наподобие цензурного: «Дирекция тюрьмы Св. Антония». «Г-н Карпинский! Посылаю Вам копию газеты «Трибуна Женевы», касающейся тифлисского дела. «Происшествие в России». Нам сообщают из Мюнхена, что баварское правительство отказало в экстрадиции[1] русских, арестованных в Мюнхене 18 января... С другой стороны, мы получаем из Берна следующую запись: «Мы надеемся узнать, что федеральный совет располагает материалами, касающимися этих двух русских, Семашко и Карпинского, арестованных в Женеве, и освобождение их — дело нескольких дней...»

Тут же фотографии: снимки сделаны анфас и в профиль. Сколько подобных снимков приходилось видеть в полицейских «делах», заведенных на революционеров...

Да, мне уже известно из архивов российского министерства внутренних дел, что Вячеслав Алексеевич Карпинский и Николай Александрович Семашко были арестованы в Женеве и заточены в местную тюрьму святого Антония. Арест этот был связан с Камо, царское правительство добивалось от швейцарских властей выдачи Карпинского и Семашко на расправу. Самое горячее участие в борьбе за их освобождение принимал Владимир Ильич Ленин. Значит, передо мной — новые документы этой волнующей истории?..

Сдерживая дрожь в пальцах, я достаю из ивовой корзины последний пакет. Сверток небольшой, в старой, ветхой газете. Синим карандашом по обертке: «Бумаги Ольги». Я знаю: Ольга Равич в ту пору была женой Вячеслава Алексеевича. Много писем Владимира Ильича, опубликованных в Собрании сочинений, адресованы им обоим и лично ей.

Разворачиваю пересохшую, хрупкую газету. Сыплются какие-то фотографии, открытки с видами Швейцарии, с марками, изображающими Вильгельма Телля. На штемпелях и автографах мелькают даты: 1908, 1910, 1916... Но вот письмо без марок и штемпелей. На конверте плотного картона: «Тов. Карпинский. Просьба в получении расписаться». Достаю хрусткий пергамент со штампом ВЦИК РСФСР. Дата: 9 сентября 1920 года. Это мандат политкомиссара агитационно-инструкторского парохода «Красная Звезда» В. А. Карпинского.

Документ имеет отношение к той самой папке о «Красной Звезде», которую я обнаружил во второй корзине. Но как этот мандат попал в «Бумаги Ольги»? Нет, надо не торопиться и прочесть каждую открытку, каждое письмо!..

На сероватом, невзрачном конверте косым почерком — чернила выцвели, стали коричневыми:

«Тов. Карпинскому.

Кремль. Кавалерский корпус, 3-й этаж, № 77.
От Н. Крупской».

Письмо без марок и штемпелей. Видимо, было доставлено курьером. На листке из школьной тетради в линейку:

«Дорогой товарищ,

Владимир Ильич как раз недавно спрашивал о Вас, что Вы делаете и как живете. Я обещала узнать. Поэтому я очень рада была передать ему Ваш привет и рассказать о написанной Вами брошюре...»

Сверху плотно исписанного листка дата: «Октябрь 1923 г.».

Снова, на этот раз не на страничке из тетрадки, а на бумаге с водяными знаками — строчки, выведенные косым почерком Надежды Константиновны. Сразу несколько писем. Они помечены концом 1908-го и первой половиной 1909 года: Ленин и Крупская переехали из Женевы в Париж, и Надежда Константиновна не только передает Карпинскому задания Владимира Ильича, но и рассказывает о том, как устроились они на новом месте, в каких условиях живут, что Ильич делает, о чем думает. О множестве фактов, упоминаемых на этих страницах, мне прежде ни слышать, ни читать не доводилось.

Я перебираю новые и новые письма — и чувствую себя геологом, обнаружившим после стольких лет поисков кимберлитовую алмазоносную трубку.

Но самое потрясающее ждало меня, когда я взял в руки ничем не примечательный конверт, на котором по-французски был написан женевский адрес Равич. Действительно, в конверте оказалось письмо к Ольге от какой-то Тамары, самое обычное личное письмо. Но в этом же конверте лежал и еще один. Желтый. Твердый. По нему: **«Тов. Карпинскому. Очень важное. Посланному** — просьба не МЯТЬ...»

В конверте был листок:

«Вячеслав Алексеевич!

Я переснял эту записку. Отпечаток пришлю Вам на днях. О.».

И следующей, приклеенной к желтому конверту, как к подложке, лежала осьмушка бумаги. Тонким пером в верхнем левом углу выведена дата: «26.I.1922».

В записке говорилось:

«т. Карпинский!

Не напишете ли мне кратко (2—3 странички maximum),

сколько писем от крестьян в «Бедноту»?

что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли **раз в два месяца** получать такие письма (следующее к 15.III.1922)?

α) среднее число писем

β) настроения

γ) важнейшие злобы дня.

С ком. приветом **Ленин».**

В конверте лежала и вторая осьмушка. Тоже слева сверху дата «23/III» — и карандашом, рукой Карпинского, дописано: «22 г.». И таким характерным почерком Владимира Ильича письмо о том, что по болезни он читает лишь «легкое» и неделовое, газет не читает, а только телеграммы и поэтому

«...написать что-либо **путное** к четырехлетнему юбилею «Бедноты» не могу. Если подойдет прилагаемое, поместите; не подойдет,— бросьте в корзину, это будет лучше.

Ваш Ленин».

Это были подлинники тех самых двух писем Ленина, которые считались утраченными и которые Вячеслав Алексеевич искал многомного лет. Как они попали в конверт, адресованный Ольге? Почему Вячеслав Алексеевич сам не перебрал пакеты в ивовых корзинах?.. На эти вопросы мы уже никогда не получим ответа. Но самое главное — письма Владимира Ильича найдены, их место — в хранилище Института марксизма-ленинизма.

...Недавно Ирина Семеновна Карпинская в торжественной обстановке передала Центральному партийному архиву ИМЛ оба эти письма Владимира Ильича и письма Надежды Константиновны Крупской.

* * *

Я прошел по следам некоторых находок, обнаруженных на даче в Заречье, попытался с помощью архивных документов, мемуаров современников и иных исторических свидетельств расшифровать то, что было сокрыто за найденными мной листками, и теперь попытаюсь рассказать, что прояснили эти бесценные находки.

Продолжение следует.

[1] Экстрадиция — выдача иностранному государству лица, нарушившего законы этого государства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

В. ПАВЛОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

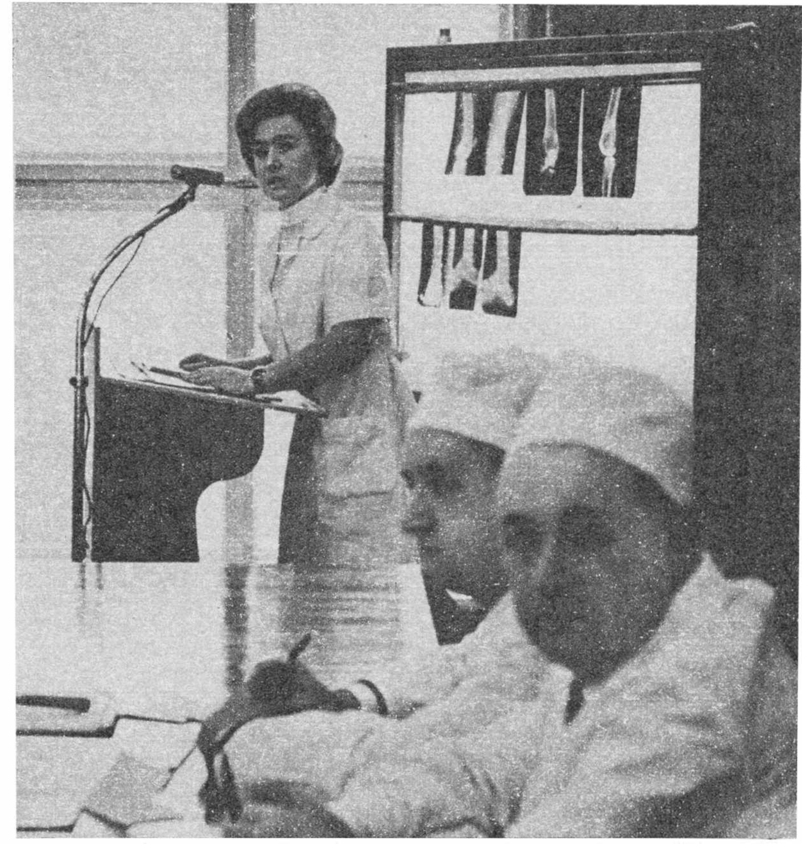
С точки зрения врачей, война — эпидемия травм. Среди многих тяжелейших эпидемий досталась и эта молодой Советской власти на заре существования нашего государства. Тысячи солдат первой мировой войны и красноармейцы — участники гражданской получили увечья на полях сражений, а долечить раненых, облегчить их страдания, вернуть трудоспособность негде.

В начале двадцать первого года, когда сыпняк начал постепенно отступать, в опустевшие помещения сыпнотифозного госпиталя № 1765, что располагался в Москве, в Теплом переулке, в доме 16, пришли маляры и штукатуры. И в день рождения Владимира Ильича, 22 апреля, в этом доме открылся небывалый госпиталь — лечебно-протезный институт Московского здравотдела. В его палаты легли первые пациенты — инвалиды войны. И первый руководитель института — в то время еще молодой, энергичный врач Николай Николаевич Приоров, в будущем ученый с мировым именем, совершил свой первый обход.

Минуло полвека. Лечебно-протезный превратился в Центральный научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии (ЦИТО).

Старое здание в Теплом переулке стало тесным. В новых огромных корпусах, раскинувшихся на опушке Тимирязевского лесопарка, — современные клиники с десятью великолепно оборудованными операционными, двумя бассейнами, диктофонным и вычислительным центрами, школой-интернатом для больных детей, залами лечебной гимнастики, физио- и трудотерапии, многими лабораториями, оборудованными новейшими приборами. Да еще протезно-ортопедический завод. В стенах ЦИТО, других институтов этого же профиля, специальных больниц и госпиталей, существующих во всех республиках страны, ученые — травматологи и ортопеды капитально ремонтируют — иного слова не подберешь! — основу основ человеческого тела, его костяк.

...Мы присутствуем на еженедельной конференции, которая зовется директорской потому, что на ней председательствует сам директор ЦИТО, член-корреспондент АМН СССР, профессор М. В. Волков. По тому, о чем говорят и спорят ученые на этой конференции, можно составить представление, что именно ныне волнует советскую и мировую медицинскую науку. И в известной степени воочию увидеть приметы социальных перемен в нашей стране.

Перед сложной операцией. Директор ЦИТО профессор М. В. Волков, его заместитель В. Н. Гурьев, хирург Ольга Ушакова.

Кажется, что может быть обыденнее доклада дежурного врача о больных, поступивших за истекшую неделю, — с этого начинается каждая директорская конференция? Лена С., катаясь на лыжах, упала на вытянутую руку. Перелом. Рабочий Х. поскользнулся на улице — тяжелый вывих лодыжек. Сережа Ч. неудачно скатился со снежной горки — трещины в двух позвонках.

Но замечаете? У вновь поступивших больных нет травм, полученных на производстве. Ныне они случаются все реже и реже. Да и характер этих травм изменился: они стали легче и проще поддаются излечению. В этом косвенный результат деятельности ЦИТО, ученым которого принадлежит немало рекомендаций в области профилактики травм и техники безопасности. Государство превратило эти рекомендации в строгие законы, охраняющие труд рабочего, щедро отпустило необходимые средства, чтобы претворить их в жизнь. И число несчастных случаев на заводах, фабриках, стройках в нашей стране сокращается с каждым днем.

Но, конечно, травмы еще далеко не изжиты. Есть инвалиды труда. Есть инвалиды войны. Есть, наконец, — и немало — больные, страдающие врожденными недостатками и тяжкими заболеваниями суставов, костей, позвоночника.

Мы видели, как оперирует старейший хирург ЦИТО, почетный член Всесоюзного научного общества травматологов-ортопедов, профессор В. Н. Блохин. На его счету сотни людей, которым он возвратил утраченные было профессии музыкантов, слесарей, наладчиков, столяров, хирургов... Потому что Владимир Николаевич — специалист в области тончайшего и нужнейшего механизма нашего тела, механизма, который в конечном счете дал нашим далеким предкам возможность познать труд и стать людьми, — кисти руки.

Операция длится около двух часов, хотя, как потом скажет сам Владимир Николаевич, эта не из самых сложных. У нас затекают ноги и от напряжения начинают слезиться глаза. А руки профессора все так же легко и неторопливо движутся и движутся, будто

ИМ НЕТ ЧИСЛА

Рассказать о героизме молодого поколения, жившего и боровшегося на земле Советской Украины в грозные дни Отечественной войны 1941—1945 годов, в одной книге невозможно. Для этого понадобилась бы многотомная эпопея, героями которой явились бы сотни тысяч юношей и девушек. Но и те — живые и мертвые, — кто встает перед нами со страниц строго документального повествования П. Тронько, выстраиваются в нескончаемую колонну беззаветных бойцов. Им нет числа.

Автор «Подвига твоих отцов» предельно лаконичен. Не прибегая к беллетризации, ничего не добавляя от себя, он только называет и знакомые раньше и дотоле неизвестные имена, кратко, точно излагает события, от этих имен неотделимые. Он ведет нас от стен Бреста тяжкими дорогами к Волге, к Сталинграду, приводит к Курской дуге, сопровождает по вражьим тылам в партизанских районах, приоткрывает завесу тайн подполья, уводит в чужие края, в отряды маки, в группы Сопротивления в странах Европы и не забывает вместе с нами заглянуть в цеха сибирских заводов, в окна уральских предприятий. И везде мы видим героев его книги — комсомольцев, молодых советских воинов-армейцев, народных мстителей, юных подпольщиков, рядовых трудового фронта.

Книга открывается главой «Первые баррикады войны». Комсомольцы Петр Нечаев, Николай Привезенцев, Валентин Копылов, Иван Смирнов и еще десятки других. Они — пограничники, пехотинцы, артиллеристы, ополчен-

П. Тронько. Подвиг твоих отцов. Издательство «Молодая гвардия», 1970.

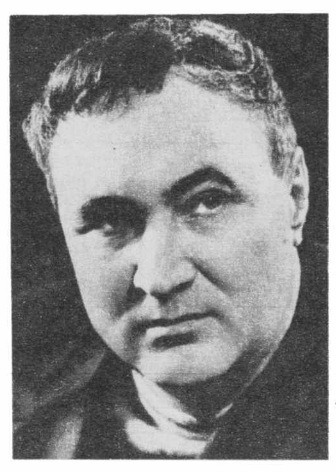
совершают магические пассы. И только капли пота, поблескивающие на висках профессора, выдают, сколько сил и нервов требует его рукотворное волшебство.

Наконец Блохин произносит: «Все!» И выходит из операционной передохнуть перед следующей операцией. А мы все еще во власти ощущения от только что увиденного чуда. А как еще назвать это удивительное искусство — сплав мастерства скульптора, точности ювелира, расчетливости инженера, выдержки летчика и необыкновенной работоспособности?..

...Заведующая одним из ведущих отделений Мария Ивановна Панова, прежде чем стать врачом, доктором наук и, наконец, профессором, работала в ЦИТО медсестрой. Может быть, поэтому Мария Ивановна столь глубоко понимает думы и заботы больного и, будучи тонким психологом и педагогом, умело врачует не только телесные, но и душевные травмы. Вот несколько строчек из писем, полученных Марией Ивановной со всех концов страны и из-за границы от бывших пациентов. **«Дорогая Мария Ивановна!.. Большое Вам спасибо — по комнате хожу без костылей. Материнское спасибо Вам от моей мамы! Щеглова, Тамбовская область». «Глубокоуважаемая Мария Ивановна. 24 октября Вы меня оперировали и поставили металлический (титановый) тазобедренный сустав (профессора К. М. Сиваша.— В. П.). Операция прошла удачно, и я Вам безгранично благодарен. Я хожу при помощи одной трости. Могу управлять автомашиной немножко... Вы большой хирург. Такие тазобедренные операции, сделанные так отлично, большое благо для страдающих. Мыслями я всегда с Вами... Ваш Хорст Ионас. Лейпциг».**

Такие письма получает не одна Мария Ивановна — счет им ведут сотнями в каждом отделении ЦИТО. И мы думаем, что, прочитав эти письма, многие из которых хранят следы радостных слез, не стоит объяснять, почему правительство нашей страны отметило пятидесятилетие Центрального института травматологии и ортопедии высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

НАПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТА

Прозаику и критику Василию Петровичу Рослякову исполнилось 50 лет.

Его первая литературно-критическая книга, вышедшая в 1956 году, была посвящена проблемам послевоенного очерка. Через шесть лет журнал «Новый мир» опубликовал светлую и чистую повесть В. Рослякова «Один из нас». Она подкупала своей искренностью, правдивостью рассказа о юности тех, кто со студенческой скамьи шагнул в окопы Великой Отечественной и с оружием в руках защитил, отстоял нашу жизнь в самое тяжелое время. Писатель точно воссоздал атмосферу, в которой росла и воспитывалась предвоенная, рано повзрослевшая молодежь. Он убедительно и правдиво показал истоки ее необычайного мужества, суровую школу войны, природу характеров своих героев, их прочную завязь, давшую им силу расти и мужать в боевых испытаниях.

Через год издательство «Советская Россия» выпустило в свет отдельной книгой повесть В. Рослякова «Обыкновенная история». Это произведение, посвященное молодежи 50-х годов, родилось в результате поездок автора в Сибирь. В последующие годы выходят еще две книги писателя — сборник повестей и рассказов «Красные березы» и роман «От весны до весны».

Прозаические произведения и литературно-критические работы В. Рослякова по-настоящему талантливы, пронизаны заинтересованным участием в жизни современника. Много поучительного и интересного находит в них читатель.

Оценивая заслуги талантливого писателя в развитии советской литературы, правительство наградило его орденом «Знак Почета».

Степан ГРАМЗИН

ПОБРАТИМ

За последние годы мне не раз приходилось быть свидетелем встреч писателя Михаила Горбачева с его школьными друзьями, с однополчанами из бывшей 176-й стрелковой дивизии. Все эти встречи были неизменно задушевными и теплыми, чувствовалось, что люди относятся к Михаилу Горбачеву с большим уважением и симпатией, считают его своим истинным другом и побратимом.

Этим же сердечным и емким словом «побратим» можно с полным основанием охарактеризовать и его отношения с товарищами по работе в Бюро советов по братским литературам при Союзе писателей СССР. Совместно с консультантами по литературам союзных республик, с товарищами из Секретариата, активом писателей-москвичей М. Горбачев вот уже много лет делает доброе интернациональное дело — проводит обсуждения новых книг и журналов в Москве, различные важные совещания на местах, участвует в изучении и обобщении опыта многонациональной советской литературы, в пропаганде ее достижений.

В приветствиях и телеграммах, которые М. Горбачев получил в связи с 50-летием со дня рождения от писателей Украины, Белоруссии и других республик, дана высокая оценка его большой литературно-критической и переводческой деятельности. В республиканской и центральной прессе появляются его статьи и заметки о современной белорусской литературе; в его переводах в Москве изданы произведения белорусских писателей разных поколений — Кузьмы Чорного и Тараса Хадкевича, Ивана Мележа и Алексея Кулаковского, Ивана Шамякина и Ивана Чигринова, Василя Быкова и Ивана Науменко.

У ветерана Великой Отечественной войны, литератора-коммуниста Михаила Васильевича Горбачева много друзей в разных уголках нашей многонациональной Родины — от Витебщины, где он родился и вырос, до грузинского поселка Харагоули, где трудятся его однополчане.

Иван КАРАБУТЕНКО

цы — уже на второй день войны вышибли фашистских оккупантов из Перемышля и вновь подняли над городом красный флаг. П. Киян, И. Пархоменко, А. Лопатин, В. Усов, С. Бобренок... Молодые воины в зеленых фуражках, чекисты, первыми встретившие врага грудью на рубежах Родины и стоявшие до конца. Трудно было им в развалинах Бреста, в пылающих погранзаставах, под ливнем пуль и градом бомб. Но не легче было Олегу Кошевому, Парфену Гречаному, Кузьме Галкину, Федору Кравчуку, Якову Батюку, многим отважным хлопцам и девчатам, ставшим во главе молодежного подполья на временно оккупированной территории. Когда гитлеровцы вторглись в украинские города и села, с октября 1941 года по декабрь 1942-го было создано 200 подпольных комсомольских организаций, 188 подпольных райкомов и горкомов ЛКСМУ; в то время и позже под руководством Коммунистической партии в комсомольском подполье на Украине боролись с врагом тысячи молодых патриотов. За период оккупации гитлеровцы уничтожили в республике 5,3 миллиона человек. Сотни юных героев погибли в фашистских застенках, пали в боях, сражаясь в партизанских отрядах. Больше половины украинских партизан составляли комсомольцы, молодежь.

П. Тронько создает яркую энциклопедию коллективного подвига своих молодых земляков. Книга до предела насыщена удивительными, необыкновенными биографиями. Под Луцком перестало биться сердце двадцатидвухлетнего капитана Василия Сенатора, кавалера многих боевых орденов. Не старше был и флотский командир Василий Лозовский, двести пятьдесят раз водивший в атаку на вражеские корабли отряд торпедных катеров. Летчик комсомолец Александр Кривец, став партизаном, возглавил неуловимый отряд, совершавший молниеносные броски на трофейных автомашинах. Были очень молоды знаменитый разведчик Е. Березняк (майор Вихрь), снайпер Людмила Павличенко, герой французского движения Сопротивления Василий Порик.

«Подвиг твоих отцов» — это плод длительной исследовательской историко-литературной работы автора, в прошлом одного из комсомольских вожаков в республике. Автор книги остается верен своей молодости и тем, кто пронес знамя Ленинского комсомола сквозь годы ненастья, прославив Родину бессмертными подвигами.

Анатолий СТАСЬ

Виктория Федорова.

МОЙ Р
И

Корреспондент «Огонька» обратился к популярным молодым актерам с просьбой рассказать о том, как относятся они к теме современности, к образам ровесников-современников, созданным в кино и театре за последние годы.

О ТАЛАНТЕ ЖИТЬ...

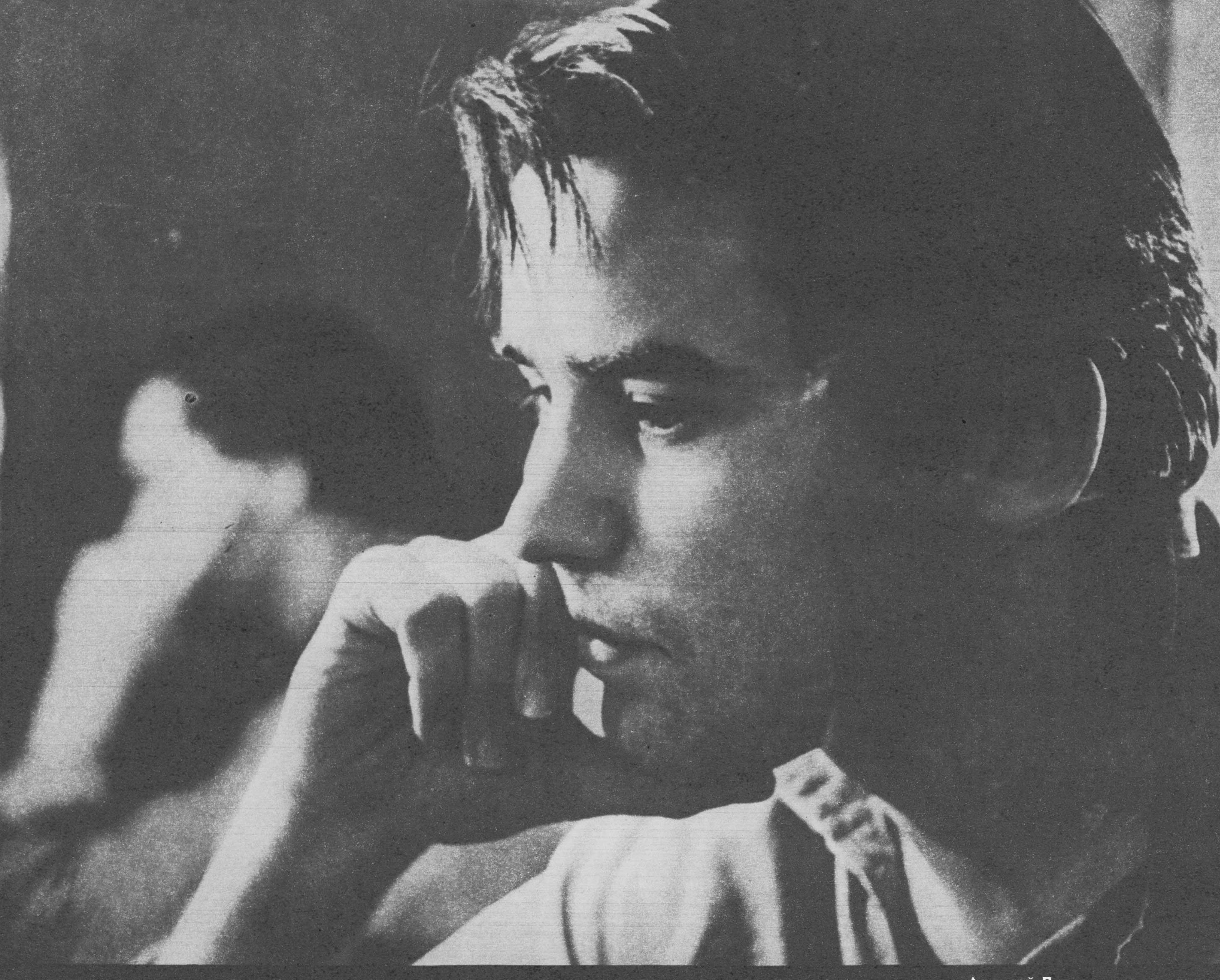
Алексей ЛОКТЕВ окончил ГИТИС, с 1963 года работает в Московском театре имени Пушкина; снимался в фильмах «По Руси», «Прощайте, голуби!», «Я шагаю по Москве»...

— Сейчас в театре я играю роль Павла Корчагина. С этого и начнем наш разговор о современниках. Не удивляйтесь. Я настолько вжился в образ, вообще в спектакль, который мы подготовили к XXIV съезду партии, что, кажется, не могу уже мыслить иначе, чем мой герои, поступать иначе... Для меня эта роль исключительно важна. На время отказался от работы в кино, так как очень хочется передать театральному зрителю то главное, что живет и творится в душе Павла Корчагина, воссоздать богатство его внутреннего мира. Мне кажется, что последние театральные постановки нередко пользуются при создании образа Корчагина лишь чисто внешними средствами.

Мне бы хотелось на сегодняшних экранах и на сцене чаще видеть людей, которые по внутреннему своему содержанию и по таланту жить на земле приближались бы к моему герою — Павлу Корчагину.

И в кино и в театре мне не раз приходилось играть простых на первый взгляд парней. Но в том-то и дело, что они не так просты, как это может показаться.

Каждый из моих героев обязательно задает себе тот главный вопрос, без которого человек не имеет права на существование: ради чего я живу сейчас на этой Земле! И может ответить: ради того, чтобы отдавать себя людям, чтобы честно работать, не страшась трудностей... Такими были мои герои в фильмах «Прощайте, голуби!», «Наш дом», в спектакле «Разорванный рубль»...

Алексей Локтев.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ОВЕСНИК СОВРЕМЕННИК

Не терплю эдаких «миловидных», длиннокудрых юнцов, без дела слоняющихся по подворотням или часами просиживающих в ресторанах. Они глупы, если думают, что жизнь человеческая очень длинна: авось, мол, успеем еще что-нибудь «свершить», а пока надо погулять... Нет, нужно беречь каждую минуту! Нужен, повторяю еще раз, талант жить, талант делать доброе, чувствовать, что ты необходим людям, как и они тебе.

В ОЖИДАНИИ РЕАЛЬНОЙ ГЕРОИНИ

Виктория ФЕДОРОВА окончила ВГИК, работает в Театре-студии киноактера. Зрители знают ее по фильмам «Двое», «Сильные духом», «Преступление и наказание», «Зинка» и другим.

— У любой из моих киногероинь есть прототипы в жизни, чему я очень рада, так как это не всегда скажешь, посмотрев тот или иной фильм... В картинах, где я снималась, мои ровесницы отличались чистотой, мягкостью, женственностью. Им свойственно умение нести в своей душе идеал, хранить святость чувства, не изменяя ему... В фильме «Двое» перед зрителями — сильная, борющаяся натура, не боящаяся никаких преград. В картине «О любви» моя героиня тоже личность. Она не способна свернуть в сторону, не идет ни на какие уловки; ее стремление к настоящей любви берет верх над тягой к благополучию.

Итак, мои героини живут большими чувствами. Но чувства эти как бы зажаты внутри и не выплескиваются наружу. Поэтому сыграть их порой бывает очень нелегко. А я думаю, что в жизни люди гораздо более эмоциональны, чем на экране, более темпераментны, открыты, доступны для

понимания. Я мечтаю сыграть именно такую героиню — реальную, деятельную и энергичную, лишенную маложизненной, чисто экранной усложненности.

ЦЕНА РАДОСТИ

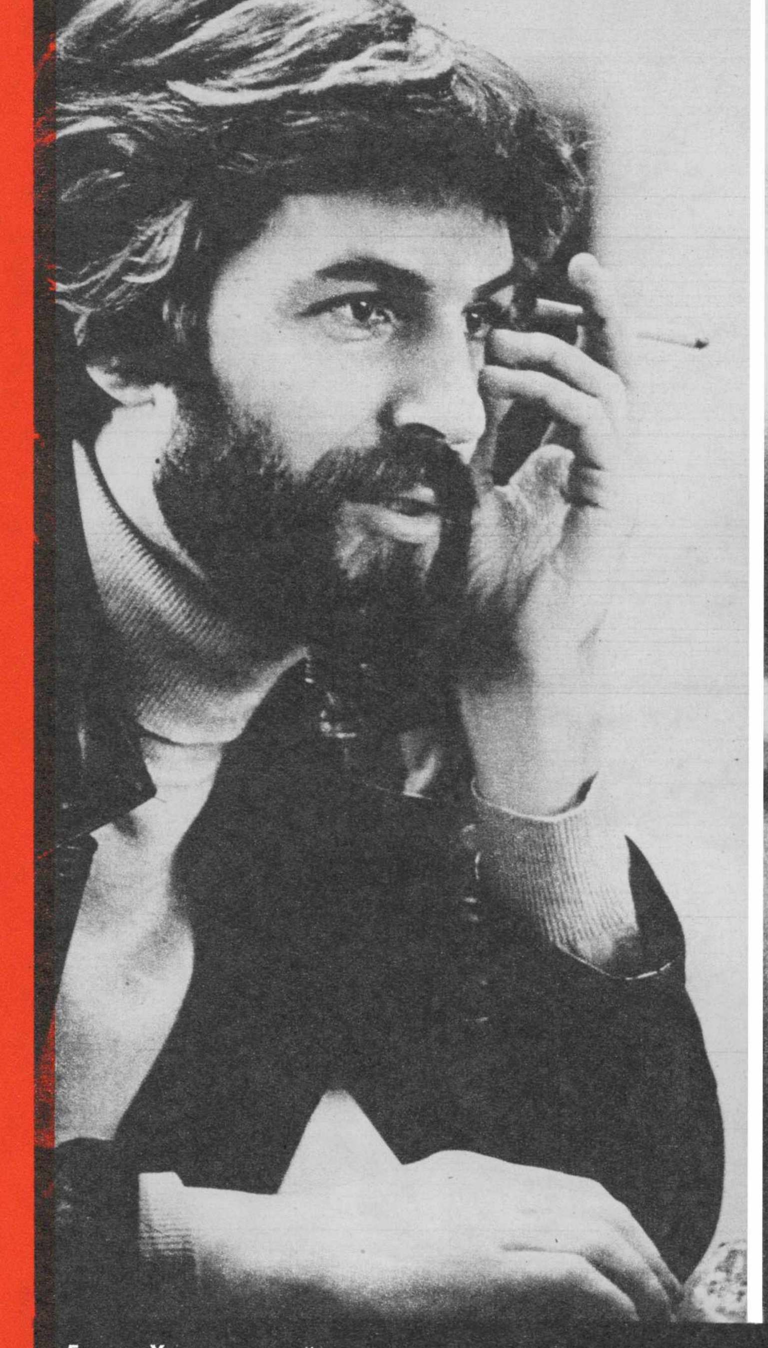
Никита МИХАЛКОВ снимался в фильмах «Я шагаю по Москве», «Приключения Кроша» и других. С 4-го курса Театрального училища имени Щукина молодой актер перешел учиться во ВГИК. В нынешнем году он окончил режиссерское отделение ВГИКа.

— Мне кажется, что образы моих экранных ровесников нередко бывают лишены правды жизни, схематичны. Некоторые режиссеры понимают тему молодежи довольно примитивно, ставя фильмы «вообще». В результате появляются «вообще современник», «вообще студент», «вообще девушка»... К тому же нередко без изменения переносятся из картины в картину кинематографические находки прежних лет. Едва появится более или менее интересный фильм, отмеченный зрителями и критикой, как вслед за ним рождаются его «близнецы», причем довольно низкого качества. Например, фильм «Я шагаю по Москве» открыл, на мой взгляд, новую возможность подхода к теме молодежи. Но ведь тут же появились «Два воскресенья», «Влюбленные» и многие другие фильмы — подражательные...

Разговоры о современнике по праву ведутся в искусстве старшим поколением, своим опытом завоевавшим возможность судить о современности. Между тем я думаю, что подход к этой теме не должен пугать и молодого режиссера. Всегда надо говорить о том, что ты знаешь, что тебя волнует, иначе работа над картиной превращается в профессиональные изыски. Почему бы молодому режиссеру не рассказать зрителям о молодежи, если у него есть интересные мысли о своем современнике?..

Что касается меня, то мне хотелось бы сделать картину, где речь пойдет о том, как человек, проживший 25—26 лет, вполне устроенный, пользующийся любовью друзей и сослуживцев, вдруг впервые начинает понимать, что счастье жизни заключается совсем не в «самоутверждении», а в потребности делиться своей жизнью, своими радостями с другими людьми. Разделенная радость во сто крат дороже, чем радость неразделенная!..

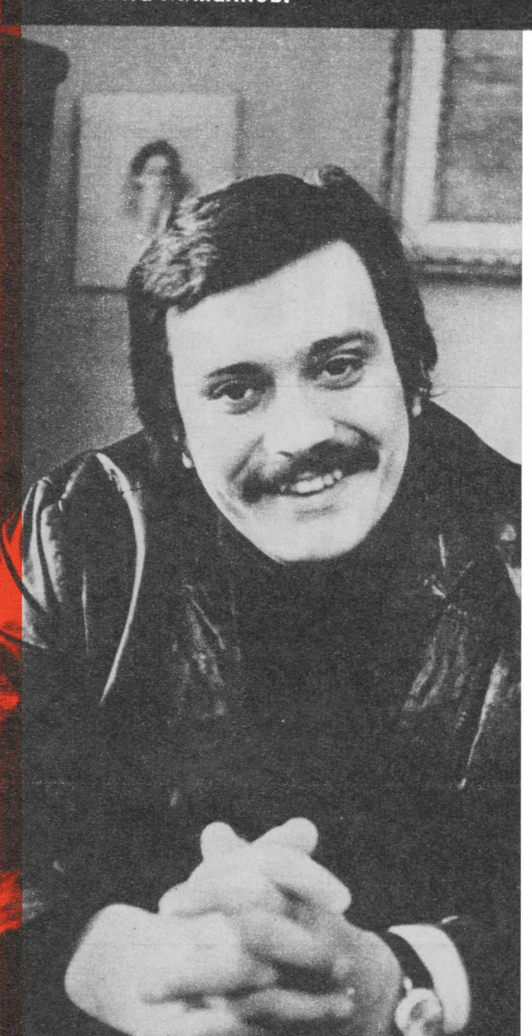
В отличие от молодых людей, которых мне доводилось видеть за границей, нашим юношам и девушкам в большей мере присущи моральная чистота, застенчивость, какая-то даже наивность. Есть в них вера — в жизнь, в людей, в прекрасное... Об этом я и собираюсь рассказывать в своих будущих фильмах.

Борис Хмельницкий.

Никита Михалков.

Наталья Варлей.

Светлана Савелова.

Виталий Соломин.

ХОЧУ СЫГРАТЬ ВАЛЕНТИНУ ТЕРЕШКОВУ

Светлана САВЕЛОВА окончила Театральное училище имени Щукина, работает в Театре имени Ленинского комсомола. Снималась в фильмах «Прощайте, голуби!», «Зеленый огонек», «Семь стариков и одна девушка»...

— Я сыграла двенадцать «положительных» девушек в кино и почти столько же «отрицательных» в театре. Среди них много современниц, о которых сказать могу одно: мне они не нравятся. Поверхностные, неглубокие характеры, отсутствие всякой индивидуальности... В прошлом году работники искусства проводили специальные пленумы, посвященные драматургии театра и кино. На пленумах говорилось, что во многих театрах наблюдается сильный крен в сторону классики, и отчасти объяснялось это тем, что в произведениях, посвященных современности, сценаристы и драматурги создают образы, как правило, лишенные значительности.

А меня по-прежнему волнуют герои таких чудесных фильмов, как «Парень из нашего города», «Комсомольск»... Волнуют герои-труженики, мужественные, энергичные люди, преданные своему делу.

Вы спрашиваете, существует ли в жизни реальная героиня, которую я бы хотела сыграть. Отвечаю: да, существует! Хочу сыграть, например, Валентину Терешкову. Почему нет сценария, посвященного ее подвигу? Женщина-космонавт — это уже не фантастика, а наша сегодняшняя жизнь.

А пока я собираюсь играть Варвару в «Грозе»... Это, конечно, очень интересно, но опять далеко от современности.

РАВНОДУШИЮ — БОЙ!..

Виталий СОЛОМИН окончил Театральное училище имени Щепкина, работает в Малом театре. Снимался в фильмах «Любимая», «Женщины», «Бабье царство», «Впереди день»...

— Многими сыгранными мною ролями ровесников, современников я недоволен. Образы построены на редкость схематично, я бы даже сказал, облегченно. Почти все мои герои выглядят одинаково. Они обаятельны и милы, простоваты, а иногда даже и грубоваты и всегда «приятны». Но за их «приятностью» мало содержания, их личности расплывчаты, лишены глубины и целостности. Зритель уходит с фильма и начисто забывает, что он смотрел, о ком и зачем это было сказано... Из фильма в фильм, из спектакля в спектакль переходит такой герой, почти не меняясь ни в худшую, ни в лучшую сторону, и об этом приходится только жалеть, потому что теперешний-то молодой человек во многом отличается от привычного и порядком уже надоевшего «симпатяги». Мой ровесник стал во многом спокойнее, разумнее, я бы даже сказал, что он старше своих лет. Я не знаю, хорошо это или плохо, но факт есть факт, и с ним нужно считаться.

Меня, например, пугает равнодушие к жизни, проскальзывающее у иной части молодежи, преждевременно состарившейся, неизвестно в чем разочаровавшейся... Знаете, чтобы в чем-то разочаровываться, надо предварительно сильно верить во что-то. Когда же они успели столько пережить?

Вот бы сыграть человека, который своей энергией, самостоятельностью и целеустремленностью мог бы дать бой безразличию, чувству собственничества, нежеланию и неумению жить и работать в полном смысле этих слов. И мог бы победить в этом бою.

Давно жду такой роли...

НЕ ГНАТЬСЯ ЗА МЕЛОЧАМИ

Наталья ВАРЛЕЙ окончила цирковое училище, сейчас — Театральное училище имени Щукина. Снималась в фильмах «Кавказская пленница», «Вий», «Золото»...

— Вы спрашиваете о моих экранных современницах-ровесницах, а я чувствую, что сразу не смогу ответить. Не потому, что тема современности меня не интересует. Наоборот! А потому, что эта тема, кажется, слишком мало интересует наших режиссеров и драматургов. Они почему-то гораздо охотнее рассказывают о событиях давно минувших лет... Почему? Говорят, что тема современности очень сложна. Видимо, она недостаточно освоена драматургами. Конечно, о прошлом говорить легче, как бы со стороны рассматривая и переосмысливая проблемы давних времен...

Я тоже не могу сказать, что все знаю про свою современницу. Мне тоже надо работать и работать... Но если вас интересует, то я скажу, какой хочу видеть современницу и особенно играть. Это должна быть натура сложная, с сильным и ярким характером. Жадность к жизни, одержимость, направленная против спокойно-иронического отношения к окружающему,— вот что должно отличать наших героинь.

Я не раз слышала, что молодежь, мол, стала циничнее, ей незнакомо чувство восхищения, умение радоваться... Так ли это? Нет. Действительно, бывает иногда, что проходит мимо твоего внимания то, что должно тебя задеть, захватить... И ты начинаешь оправдывать себя тем, что сильно устаешь, что слишком много дел... Нам надо **успевать** жить, находить такой ритм жизни, чтобы не испытывать чувство усталости. Успевать жить, вбирая в себя главные ценности жизни и не гоняясь за мелочами.

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЖИЗНИ

Борис ХМЕЛЬНИЦКИЙ окончил Театральное училище имени Щукина. С 1964 года работает в московском Театре драмы и комедии на Таганке. Снялся в фильмах «Вечер накануне Ивана Купала», «Красная палатка», «Князь Игорь»...

— Я не буду обсуждать конкретно достоинства или недостатки той или иной пьесы, сценария, посвященных современности (это заняло бы слишком много времени). К тому же моя актерская работа пока складывается так, что я больше играю героев классических произведений... И думаю, что нашим современным молодым драматургам надо учиться у классиков, русских и зарубежных, создавать яркие, запоминающиеся образы, находить острые конфликты. И что очень важно — так же быстро и вовремя откликаться на события своего времени...

А то ведь бывает и так: разработана автором одна тема, и вот он ее повторяет в разных вариациях, «осваивает», «оттачивает»... А жизнь идет. Да какими стремительными темпами! Поток информации, новых научных достижений и открытий... Люди, как говорится, не по дням, а по часам, за сравнительно короткие сроки приобретают массу знаний. Я уже не говорю о детях, школьниках... Вы послушайте только, о чем они рассуждают между собой: и об орбитальных станциях и о пересадках сердца... Я заметил: чего ни начнешь им рассказывать (на твой взгляд, им совсем неизвестное),— они в ответ улыбаются: а мы это уже знаем. И вот с такими «взрослыми» детьми авторы тех или иных фильмов, спектаклей по старой привычке играют «в ладушки», как с несмышленышами...

И еще. В наших спектаклях и фильмах не должны появляться «маленькие» герои — с мелкими интересами, ничтожными запросами. Эти «герои», как правило, любят козырнуть псевдомногозначительными и малопонятными словесными пассажами о смысле жизни... Они постоянно **чем-то** неудовлетворены, **чего-то** ищут, иными словами, все «в комплексах». Это с одной стороны. А с другой — не хотелось бы видеть и слишком «голубых» героев. Все у них отлично, все налажено. «Углы» срезаны: все положительно, правильно, удачно... Такие две крайности, на мой взгляд, вредят нашей театральной и кинодраматургии.

Хочу видеть героем спектакля или фильма человека глубокого, сильного. Много пережившего в своей жизни трудностей, но несогнувшегося, крепко стоящего на ногах. Вот такие образы должны воспитывать подрастающее поколение, показывая ему примеры мужества, стойкости, умения переносить удары судьбы достойно. Жизнь не всегда безоблачна. Она постоянно испытывает человека «на прочность», и человек должен быть с детства подготовлен к этому. Думаю, что искусство может играть в столь серьезной подготовке немаловажную роль...

Беседу вела Наталья АЛЕКСЕЕВА.

Галина ДАЙН

МУЗЕЙ РАДОСТИ

Загорск — родина игрушек. Здесь работает единственный в стране Научно-исследовательский институт игрушки, где художники и конструкторы проектируют новые образцы и передают их на фабрики для массового изготовления. Только в Загорске, в техникуме игрушки, готовят специалистов-игрушечников: художников и технологов. Две фабрики выпускают знаменитую матрешку. А 16 декабря прошлого года в городе был праздник: открылся музей игрушки — единственный в стране! — который пережил в этот день свое третье рождение. Почему третье! Чтобы ответить на этот вопрос, нужно припомнить историю... Уникальная коллекция музея была собрана в первые годы революции художником Николаем Дмитриевичем Бартрамом. В старом Загорске этот замечательный энтузиаст с увлечением работал с кустарями-игрушечниками, создавая для них новые интересные образцы, и многие годы мечтал Николай Дмитриевич создать музей игрушки. В 1918 году в Республике Советов было подписано постановление о музее.

Удивительный это был музей! Каждое воскресенье можно было здесь посмотреть представление кукольного театра. Часто спектакли давал старый петрушечник Зайцев, чей балаган славился на народных гуляньях в Сокольниках. А в мастерской при музее ребята вместе с Н. Д. Бартрамом, которого они называли «дядя Музей», мастерили самоделки.

В 1931 году музей переехал в Загорск. Это и было его второе рождение. Но во время войны музей пришлось закрыть.

Теперь музей наконец снова распахнул свои двери. Маленькая девочка вместе с президентом Академии педагогических наук В. М. Хвостовым торжественно разрезали красную ленту, открыв первую экспозицию — «Русская народная игрушка». Вот вам и третье рождение!

Сотни игрушек встретились со зрителями. И у каждой своя история.

Крестьянские куклы прошлого века. Их резали из дерева, лепили из глины, шили из тряпок, мастерили из соломы и шишек, даже выпекали из теста. Соломенные куклы — «стригушки» танцевали когда-то на шатких половицах деревенской избы. Лесовики из мха и шишек — добрые сказочники и мудрые старцы с вязанками дров за плечами, с лукошками ягод и грибов будто только что вышли из леса... А вот тряпичные куклы. Их костюмы пестрят яркими лоскутами шелка и цветастого ситца, украшены лентами, кружевом, стеклярусом и позументом. Но почему они без лиц! Очень просто. Раньше верили в существование души и боялись ее. Люди думали, что кукла с лицом может ожить и навредить ребенку. Вот и не изображали лица совсем. А на Севере пришивали на лицо куклы птичьи клювы. У кукол вымаливали женщины рождение ребенка, исцеление от болезней. Были, к примеру, куклы от насморка — с пуговицей на носу. Считалось, что стоит лишь сделать такую куклу, тотчас забросить ее подальше от дома, и вы избавлены от болезни... Улыбаетесь! А в Древней Греции девушки, выходя замуж, приносили свою любимую куклу на жертвенный алтарь.

Всякий знает, что без погремушки не вырастет ни один малыш. И во все времена у всех народов была она первой игрушкой ребенка. Есть в музее погремушка IV века н. э., найденная в археологических раскопках. В ту далекую пору и она была не просто забавой: шумом ее отгоняли от ребенка злых духов...

Древняя история и у глиняной свистульки, представленной в музее в великом разнообразии. В каждой деревне лепили и украшали ее посвоему. Вот «соловей» из деревни Филимоново, Тульской области. Просто маленький горшочек с ручкой. Но стоит наполнить его водой, подуть, как услышишь и свист, и щелканье, и переливы. Что тебе соловьиное пение! Делали еще «кашники» — горшочки для каши. Вместе со «взрослыми» горшками «кашник» ставили в русскую печь и закрывали крышкой, а когда каша была готова, горшочек начинал свистеть. Совсем как в сказке Андерсена!

Но не только доброй детской забавой доводилось быть игрушке. Случалось ей иметь дело... с полицией и царскими властями.

Сергиевские кустари резали фигурки монахов. Однажды появились в продаже монахи с сюрпризом: нажмешь рычажок — и полы рясы распахивались, перед вами стоял здоровенный служитель культа... в обнаженном виде. Игрушка имела большой успех, но, конечно, не среди богомольцев. Делал ее сергиевский кустарь Иван Рыжов и продавал по 50 копеек. Вскоре его арестовали и доставили в Москву к генерал-губернатору князю Долгорукову. Тот грозил надеть на кустаря кандалы и сослать в Сибирь. Рыжов просил помиловать и поклялся больше монахов не резать. Его отпустили.

— Ну и что же, больше не делал! — спросил его как-то Бартрам.

— Нет, делал,— ответил Рыжов,— только уж продавал по три рубля.

Стоит взглянуть на другую работу того же мастера, чтобы оценить по справедливости народный юмор: «Медвежья свадьба»... С упоением кружатся жених с невестой, играет оркестр, танцуют охмелевшие гости, повар раздает вкусные блюда... Нельзя не улыбаться!

Народная игрушка всегда была тесно связана с фольклором. Часто использовались для ее создания сюжеты лубочных картинок. И тогда игрушка становилась целым рассказом. Вот «Урок мужьям-дуракам и женам-щеголихам» — баба строго наказала своему мужу: «Продай лошадь и корову и купи мне обнову». Муж так и сделал. Нарядилась баба и все лето, подобно стрекозе, играла на свирельке. А зимой муж запряг жену в сани и под хохот односельчан поехал в лес за дровами...

Идем дальше по музею, и игрушки рассказывают нам новые истории, одна интересней другой! Целая повесть — о русской матрешке... Идея «многодетной» игрушки пришла к нам из Японии. Там издревле вытачивали фигурку мудреца Фукурумы с большой, распухшей от раздумий головой. Фигурка раскрывалась, и в ней сидела другая, меньшая... Первую русскую матрешку выточил в 90-х годах прошлого века токарь В. Звездочкин, а расписал известный художник С. Малютин. И стала эта забавная фигурка в сарафане и платочке называться «матрешка» — от русского имени Матрена. Уже в 1900 году снискала она себе славу на Всемирной выставке в Париже, и с тех пор ей привычно путешествовать за рубеж. Во всем мире знают теперь знаменитую семеновскую матрешку, украшенную букетами алых цветов, и совсем другую по характеру, загорскую матрешку. Она, как домовитая хозяйка, всегда аккуратно повязана платочком, в передничке и в руках — то бублик, то узелочек, то ложка, то каравай хлеба на полотенце. Всегда добродушная, гостеприимная, она словно бы говорит: «Добро пожаловать в наш музей радости!»

Добрый, умный и красивый мир народной игрушки дорог людям как самая теплая частица большой, щедрой народной души. И уже более 30 тысяч человек побывали в загорском музее. Из них семь тысяч — дошколята, самые трогательные и любопытные наши зрители. Ведь каждая игрушка, а их в экспозиции полторы тысячи, была любовно сделана на радость детворе.

Загорск.

Тройка. Село Богородское.

Дымковская игрушка.

Матрешки «Сказка о царе Салтане». Сергиев Посад.

Цапля. Село Богородское.

Научная сотрудница музея Галина Дайн.

Кузнецы. Село Богородское.

Тульские кукольные самоварчики.

Куклы в национальных костюмах. Сергиев Посад.

Лесовики из мха и шишек. Кировская область.

Фото М. САВИНА.

«Я — СОВЕТСКИЙ ПОЭТ»

Хамид Алимджан — один из основоположников советской узбекской поэзии — трагически погиб в 1944 году, в молодом еще возрасте, но представить сегодня поэзию солнечного Узбекистана без его имени просто невозможно. «...Я с первых лет творчества встал на сторону советской литературы,— писал он.— От первого до последнего своего стихотворения я — советский поэт».

Два начала, два истока питали творчество Хамида Алимджана — традиционная восточная школа стиха и социалистическая новь. Мать Хамида знала множество фольклорных стихов, сказок, песен и частенько рассказывала их мальчику. Впоследствии, уже зрелым поэтом, Хамид Алимджан не раз обратится к живительному источнику народного творчества. Его с полным правом можно назвать советским шаиром — сказителем героических песен. Написанные Алимджаном поэмы «Шахимардан», «Ойгуль и Бахтияр», «Зейнаб и Аман» и особенно «Симург» стали давно уже известны далеко за пределами родной республики поэта.

В 1929 году Алимджан встречается с Маяковским. В подходе к жизни, в характере у этих поэтов было много общего: оптимистический взгляд на мир, на социалистическую новь, непримиримость к старому, отживающему свой век, мешающему созидательной работе народа. Недаром один из сборников начала тридцатых годов Хамид Алимджан назвал прямо и коротко, как выстрел,— «Смерть врагу». С комсомольским задором поэт разрабатывает в стихах политическую тематику. Боевой дух, оптимизм, злободневность — вот основные качества поэзии Хамида Алимджана. В стихотворении «Что нам Америка!» в образах двух рабочих противопоставляет он два мира, две системы — социализм и капитализм. Счастье только в свободном труде на благо народа — таков идейный смысл этого интересного публицистического произведения. О свободной жизни крестьян Узбекистана пишет Алимджан и в одной из лучших своих поэм, «Зейнаб и Аман». Борьба и труд, сочные, яркие приметы нового кишлака нашли свое отражение в поэме.

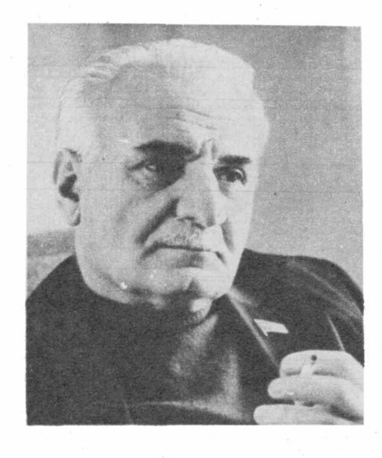
Поэта называют в народе певцом новой любви. Лирические его стихи из сборников «Счастье», «Ночь у реки», «Утренний ветерок», «Огненные волосы» и других сегодня широко известны в Узбекистане, а многие стали песнями.

Хамид Алимджан, пламенный патриот, был сыном нашего героического и славного времени. Он сердцем понимал великую силу дружбы и братства. «О Россия, Россия, твой сын, а не гость я, ты — родная земля моя, отчий мой кров»,— писал поэт в одном из стихотворений. Он переводит на узбекский язык стихотворения М. Лермонтова и Т. Шевченко, произведения М. Горького и Н. Островского, а его переводы стихов и поэм Пушкина считаются в узбекской литературе образцовыми. Этот вклад в дело укрепления дружбы народов нашей страны Хамид Алимджан обогатил и в своих литературоведческих работах «Толстой и узбекский народ», «Джамбул и народ» и многих других.

Годы войны с немецкими захватчиками для поэта были годами мужания. Весь жар своего пламенного сердца Хамид Алимджан отдает единой цели — борьбе с врагом. Один за другим выходят поэтические сборники «Мать и сын» (1942), «Возьми оружие в руки» (1942), «Уверенность» (1943), «Джигиты уходят на фронт» (1942), «Когда цветет урюк» (1942). Тогда же поэт пишет драматическую поэму «Муканна», а перед самой смертью заканчивает «Слезы Роксаны», поэму, считающуюся вершиной его творчества.

Ему не довелось дожить до радостных дней Победы. Но его стихи звучат сегодня как продолжение недолгой, но светлой жизни поэта, юбилей которого мы отмечаем. «В живой душе народа буду жить, в желании свободы буду жить!»

Владимир ДРОБЫШЕВ

ПАМЯТИ СЕРГО ЗАКАРИАДЗЕ

Трудно поверить, что Серго Закариадзе больше нет, что не войдет — большой, крупный,— что не улыбнется, не пророкочет густым, низким голосом что-то неизменно доброе, приветливое.

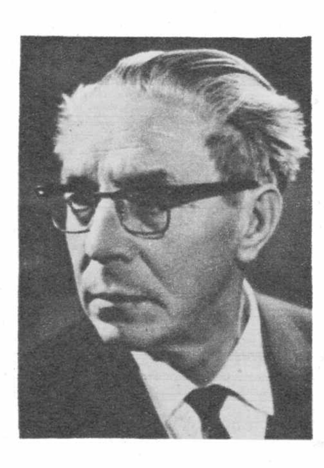
У него было удивительное качество — одарять радостью. Словом, присутствием, добротой. Это распространялось на всех, с кем бы он ни соприкасался. Будь то обычная репетиция в театре или на киносъемках, просто дружеская встреча, или деловой разговор, или встреча с людьми, которых видел, может быть, сегодня в первый и единственный раз. Он был проницателен и всегда расположен к людям. И все чувствовали это сразу. Как бы ни был он занят,— а он работал всегда, всюду, где бы ни находился,— он старался не обидеть другого человека своим невниманием или своей занятостью: для деловой встречи силы и время он всегда находил.

Громадный успех созданных им многочисленных образов заключался не только в его замечательном таланте и способности в том или ином образе жить. Серго Александрович удивлял окружающих своей непомерной работоспособностью. Он пробовал сотни интонаций, сотни жестов, чтобы найти самые верные, запоминающиеся. И находил. И зрители на годы уносили именно этот образ и жили им.

У него была необычайная способность осовременивать, приближать к нам любой характер, который он играл. Будь то герои Руставели или Шекспира; герой сегодняшнего романа Н. Тулейскири «Тутарчела» или же старый крестьянин в пьесе О. Иоселиани «Пока арба перевернется». Таким был и ставший интернациональным гуманнейший характер Георгия Махарашвили в любимом всеми фильме «Отец солдата», за который Серго Закариадзе удостоен Ленинской премии.

Ушел из жизни замечательный человек, но в нашей памяти и сердцах наших остался и навсегда останется выдающийся актер, который сумел дать бессмертие героям, созданным им в театре и кино за долгие годы подлинного творчества.

Г. СМЕТАНИНА

РАСЦВЕТУТ ЯБЛОНИ

Он приходил к нам, в ЦК комсомола, каждый день — худощавый, большеглазый, в длинной солдатской шинели. Его поэтическая слава тогда только еще начиналась. В газетах появились его первые антифашистские стихи.

Юхану Смуулу было 19 лет, когда началась война, и все ее тяготы, всю горечь поражений и радость победы он пережил в полную меру.

Он вернулся с фронта неуступчивым, горячим комсомольцем, мечтал о вступлении в партию, и мы, тогдашние работники ЦК комсомола Эстонии, радовались его приходам, потому что он очень хотел помогать нам, искал общественной работы. Он верил в будущее и старался сделать все, что умел. И он сумел многое сделать для своего народа.

В рыбачьей деревушке Когува, на острове Муху, где он родился, приземистые дома накрыты высокими, густыми тростниковыми крышами, огороды окружены замшелыми каменными заборами. Весной и осенью залив до краев наполняется стаями перелетных лебедей. Дом его — Юхана Смуула, эстонского рыбака, крупнейшего поэта, прозаика и драматурга, народного писателя Эстонской ССР,— такой же, как и остальные в Когува. Там много лет жила его мать, живут сестры, и он часто ездил в Когува: подновлял крышу, заботился о топливе, ловил для женщин рыбу. Этот старый, низкий отцовский дом был ему дорог, как бывает дорог дом и берег каждому рыбаку. А Юхан Смуул не мог учиться после окончания начальной школы, он вынужден был зарабатывать на жизнь и в тринадцать лет стал рыбаком. Шесть лет нелегкого труда... Но он был благодарен этим годам, так же, как и мы, читатели его книг, должны быть благодарны им: море научило его трудиться.

Но как ни красива деревушка на берегу лебединого залива, как ни вдохновляет морской простор, сам Юхан Смуул и его близкие знали: поэтический огонь зажгли в нем гражданственные мысли о судьбе его народа. Сами названия его поэм и сборников говорят о его думах: «Суровая юность», «Сын бури», «Чтоб яблони цвели», «Я — комсомолец».

А потом Юхан Смуул перешел на прозу. Появились «Письма из деревни Сыгедате», «Удивительные приключения мухумцев». Они были сразу переведены на многие языки. И вот началась пора дальних странствий и великолепных книг — острых, умных, удивительно образно и емко рассказывающих об увиденном. «Ледовая книга» была отмечена Ленинской премией, и вскоре вышел в свет дневник нового путешествия — «Японское море, декабрь». Вернувшись, Смуул рассказывал друзьям, что океанский соленый лед обладает той же таинственной притягательной силой, как бескрайняя открытая вода и как горы. Он не жалел ярких красок для своих героев: добрых красок для добра и злых — для зла.

И вот пройден последний путь. Юхан Смуул ушел от нас молодым, оставил устные короткие рассказы о новых замыслах, о новых книгах, о новых письмах из рыбачьих деревень и новых приключениях его земляков в городах. Он был красивой, смелой и сильной ветвью дерева эстонской литературы. Его любили и читали в России, в Грузии, на Памире, во Франции.

А в Эстонии весна. Скоро зацветут большие яблоневые сады — сначала на материке, чуть позже — на островах. Юхан Смуул много, очень много сделал для того, чтобы цвели яблони...

Н. ХРАБРОВА

Перед глазами детей сказочный мир. Матрешки «Жених и невеста с родственниками». Сергиев Посад.

Так озверевшая толпа американских расистов расправлялась с неграми на юге страны в 20—30-е годы.

Фото из газеты «Блэк пансер».

Владимир БОЛЬШАКОВ

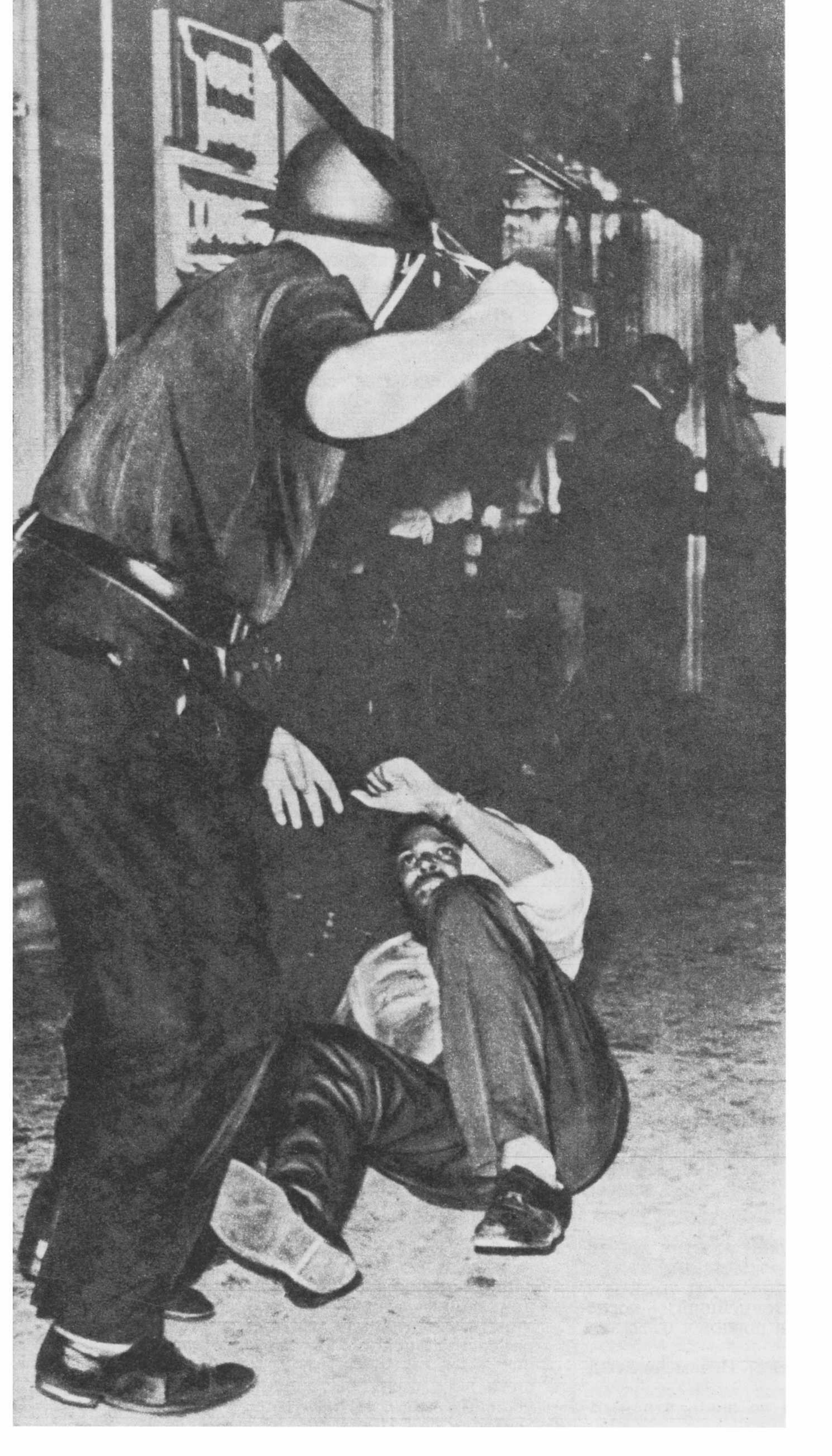
В калифорнийском городе Сан-Рафел готовится расправа над коммунисткой, негритянкой. Ее имя известно сейчас на всех континентах земного шара. Это Анджела Дэвис.

Как известно, Анджелу Дэвис обвиняют в «соучастии в убийстве». В убийстве, которого она не совершала и которое произошло в Сан-Рафеле в момент, когда ее не было в этом городе.

Нелепость обвинения ясна. Невиновность Анджелы можно было бы доказать, не прибегая к судебному разбирательству. Но все дело в том, что Анджелу судят вовсе не за уголовное преступление, а за ее политические взгляды. В ход против нее пущено старое оружие антикоммунистов Соединенных Штатов — «фрейм-ап», что в переводе означает «ложное, подтасованное обвинение».

«Фрейм-ап» имеет давнюю историю. В мае 1920 года, незадолго до печально знаменитых «палмеровских рейдов» — облав на коммунистов, два итальянских рабочих-революционера Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти были арестованы в городе Броктон, штат Массачусетс, по лож-

„ФРЕЙМ-АП“ ВЧ

Америка 70-х годов. Да, сейчас негров не сжигают на кострах, но метод линчевания «цветных» еще жив: преследование борцов за гражданские права негров, травля «инакомыслящих» и физическая расправа с ними продолжаются.

Фото ЮПИ.

ному обвинению в убийстве. Власти штата решили казнить их «во устрашение» другим рабочим-иммигрантам, которые так же, как Сакко и Ванцетти, принимали активное участие в мощных забастовках 1920 года. Почти семь лет продолжалась борьба за их жизнь. По всему миру проходили митинги в их защиту.

Я листаю старые, пожелтевшие подшивки газеты «Дейли уоркер». «Бостон. 23 августа, 1927 года... Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти больше нет в живых...» — так начинается корреспонденция Майкла Голда, переданная в тот день из столицы штата Массачусетс в «Дейли уоркер».

Голд рассказывает о последних минутах Ванцетти: «Он был спокоен и собран... Поздоровался с охраной... Сел на электрический стул, не дожидаясь инструкций, и сказал: «Я хочу сказать вам, что я невиновен и никогда не совершал никакого преступления. Я невиновен не только в том преступлении, в котором меня обвинили, но и ни в одном преступлении. Я невиновен».

В 1931 году Соединенные Штаты переживали невиданный разгул антикоммунизма и расизма. Это были годы мощных выступлений рабочего класса в защиту своих прав. И одновременно годы мобилизации реакции. На юге, на западе и даже на севере США полыхали ку-клукс-клановские кресты. Подсчитано, что за период с 1882 по 1954 годы банды расистов линчевали 4 724 негра. Помимо этого, негров линчевали юридическим путем — через суды присяжных, в которых не было ни одного черного. Обычное стандартное обвинение по методу «фрейм-ап» — «убийство, изнасилование» — автоматически влекло за собой смертный приговор.

25 марта 1931 года в городке Пейнт-Рок, штат Алабама, были арестованы девять молодых негров в возрасте от 13 до 20 лет. Их бросили в тюрьму Скотсборо. Суд присяжных признал их виновными в изнасиловании двух белых девушек — Руби Бейтс и Виктории Прайс.

Было доказано, что обвинение, выдвинутое против них, фальшиво от начала до конца. От своих показаний, данных под диктовку полиции, отказалась главная свидетельница обвинения Руби Бейтс... Но «фрейм-ап», особенно в южных штатах, не так-то легко было опровергнуть. Борьба за спасение обвиняемых продолжалась почти семь лет.

11 июля 1932 года в городе Атланта, штат Джорджия, был арестован 19-летний негр Анджело Герндон, организовавший демонстрацию безработных негров. Его обвиняли в «подстрекательстве к мятежу». Решением суда присяжных Герндон был приговорен к 20 годам каторги.

Этот список можно продолжать до бесконечности. Линчевание дефакто и де-юре, с помощью наемных бандитов и наемных свидетелей — обычный метод борьбы «демократической» Америки с коммунистами США, с борцами за гражданские права негров, за мир и демократию.

«Фрейм-ап» привел в тюрьму Мортона Собела, а супругов Розенберг — на электрический стул. «Фрейм-ап» обернулся тюремным заключением для лидеров Компартии США в годы маккартизма.

«Фрейм-ап» постоянно фигурирует на судебных процессах над противниками «грязной войны» во Вьетнаме и над членами радикальной негритянской организации «Черные пантеры». Теперь тот же метод пущен в ход против Анджелы Дэвис.

Поводом для ареста Анджелы послужил трагический случай в суде Сан-Рафела 7 августа прошлого года. В тот день судили одного из заключенных тюрьмы Сент-Квентин, негра Д. Макклейна, обвинявшегося в убийстве одного из стражников.

Быть может, название этой тюрьмы «вдохновило» организаторов «фрейм-ап» против Анджелы. Ведь именно в Сент-Квентине просидел 22 года видный лидер профсоюзного движения США Том Муни, организатор знаменитой забастовки железнодорожных рабочих в 1916 году. Муни тоже обвинили в «убийстве», приписав ему организацию взрыва, который произошел, как выяснилось уже в ходе следствия, случайно и не по его вине. Но Муни все-таки приговорили к пожизненному тюремному заключению на основании показаний подкупленных свидетелей из числа уголовников.

Но вернемся к событиям 7 августа в Сан-Рафеле. Вскоре после начала судебного заседания с места поднялся 17-летний Джонатан Джексон. Держа в руке пистолет, он освободил из-под стражи находившихся в зале суда заключенных и захватил с собой еще пятерых судебных работников, в том числе судью, объявив их заложниками. Как только они вышли из здания суда, завязалась перестрелка с полицией. Пули сразили насмерть четверых — Джексона, двух освобожденных им заключенных и судью. Трое «заложников» были ранены. Вскоре после этого калифорнийские власти объявили, что именно А. Дэвис приобрела для Джонатана оружие. ФБР выписало ордер на ее арест.

5 января 1971 года в Сан-Рафеле началось предварительное слушание «дела» Анджелы Дэвис.

Отвечая на вопросы суда, Анджела Дэвис сказала:

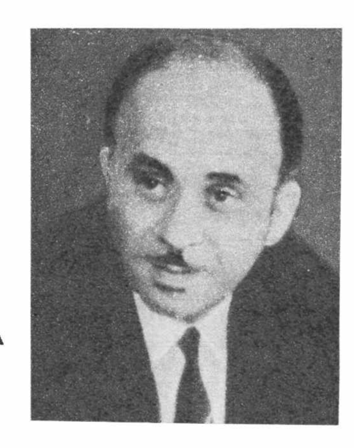
— Я заявляю суду и народу своей страны, что я невиновна ни в одном из предъявленных мне обвинений. Я стою перед этим судом как жертва политической провокации. Я привезена сюда за мои политические убеждения.

Маккартизм вновь захлестывает Америку. «Охота на ведьм», как называют в США преследования левых сил, в полном разгаре. Конгресс готовит новые реакционные законы против «бунтарей» и «инакомыслящих».

Уроки американской истории не пошли впрок ультра. Когда-то также «во устрашение» другим они пытались заставить замолчать Томаса Муни, Сакко и Ванцетти, многих, многих других. Не вышло! На место павших становятся новые борцы. И правду их невозможно убить ни с помощью наемных убийц, ни с помощью платных провокаторов, готовых за тридцать сребреников дать любые ложные показания, выгодные организаторам очередного позорного «фрейм-ап».

ЕРА И СЕГОДНЯ

РАССКАЗ

Сохейль ИДРИС,
ливанский писатель

Рисунок И. МИХАЙЛИНА

ШЕЙХ ИЗ АЛЬ-КАРАМА

Он появился неожиданно, словно из-под земли,— мы даже не успели сообразить, когда и как. Земля была усеяна камнями, обломками досок, шрапнелью, рваными листами железа, битым кирпичом. Нам почудилось, будто мы на мгновение закрыли глаза и, когда их открыли, он уже был там, на площади, среди руин.

— Интересно, откуда взялся этот старик? — спросил я у своего спутника-поэта.

— Сам не пойму. Тебе не кажется, что он больше смахивает на призрак, чем на человека из плоти и крови?

Мы снова взглянули на стоявшего вдали человека. Он постоял в раздумье и направился в нашу сторону. По широкому и твердому шагу мы поняли, что ошиблись, когда дали старику семьдесят с лишком.

В руках он держал винтовку. Голову старика украшал тюрбан, какой обычно носят мусульманские священники, правда, на нем не было долгополого халата, а серые мешковатые шаровары схвачены ремешками голенищ высоких и тяжелых сапог. Они не мешали ему шагать легко и свободно. Длинную, спутанную бороду, за которой недавно еще, судя по всему, тщательно ухаживали, тронула седина.

Сопровождавший нас партизан из арабского отряда федаинов понизил голос:

— Это Шейх из Аль-Карама.

Он приближался к нам, и мы еще издали обратили внимание на его сердитые глаза. Остановившись и смерив нас гневным взглядом, он спросил нашего спутника:

— Что за люди?

— Гости,— почтительно ответил партизан.

— Арабы или иноземцы?

— Мы арабы, почтеннейший,— поспешил вставить я и тут же пожалел о сказанном.

— Арабы и без оружия? И вам не стыдно? Позор!

Смущенный партизан не знал, что и ответить.

— Партизан говорит правду,— попытался помочь ему мой друг.

Я молчал.

— Я правду говорю, отец, они наши гости.— Партизан старался сгладить неловкость, возникшую при встрече, отнюдь не предусмотренной нашей программой.

Мы понадеялись, что старик успокоится и проявит традиционное гостеприимство. Не тут-то было. Шейх гневно бросил в лицо партизану:

— Они говорят: мы арабы; ты говоришь: они гости. А разве не все арабы — хозяева вот этой земли, как и мы?

Наш спутник в знак согласия кивнул головой. Я был благодарен ему за молчаливый ответ.

— Вы зря сердитесь, отец. Ведь они писатели. Один поэт, другой журналист,— дружелюбно произнес партизан.

Шейх тяжело вздохнул и медленно опустил винтовку, коснувшись прикладом земли.

«Наконец-то он понял, кто мы»,— подумал я. Но мы неверно истолковали жест старика. Следующие, вроде необидные на первый взгляд слова его, словно кнутом, хлестнули нас:

— Не довольно ли поэзии и газетных статей?

Не дав нам возможности ответить, даже осмыслить сказанное, он поднял винтовку и выстрелил в воздух. Я вздрогнул. Шейх повернулся и быстро зашагал прочь. Он исчез так же внезапно, как и появился, скрывшись за развалинами.

«В тот день, когда враг начал обстреливать город из пушек и бомбить с самолетов, Шейх Ата отправился навестить больного родственника. Конечно, разумнее было бы переждать бомбежку, но он заторопился домой, тревожась за жену и единственного сына. По дороге он видел, как рушились дома, слышал вопли женщин и детей, застигнутых бомбежкой, свист шрапнели и грохот падающих стен. Осторожно пробираясь к своему дому, он то и дело говорил себе, что надо бы остановиться, помочь стонущим женщинам и детям, перевязать раны, отнести детишек в безопасное место; но он представлял себе жену и сына, мечущихся от ужаса и взывающих о помощи, и все ускорял шаг. Он и думать забыл об опасности, таившейся за каждым углом, на каждом перекрестке.

Но ему все же пришлось остановиться. Над широкой улицей низко шел вертолет, выбирая место для посадки. Партизаны крикнули Шейху, чтобы он остановился, и открыли стрельбу по вертолету.

Вдруг из приземлившегося вертолета выскочила группа вооруженных до зубов израильских солдат и стала забрасывать дома гранатами и поливать свинцом из автоматов везде, где им только чудилось какое-то движение.

Укрывшись за стеной сада, Шейх Ата выглянул из калитки и увидел, что партизаны врукопашную схватились с солдатами. От ярости тело его заколотила дрожь, руки рвались к оружию. Будь у него хоть кухонный нож, он бросился бы на врага, ворвавшегося в его родной город и сеющего смерть из своих адских автоматов.

После боя Шейх Ата вспоминал, что из-за своего укрытия он видел, как юноша, почти мальчик, ему было не больше шестнадцати, убил ножом израильского солдата, прыгнув на него с балкона. Мальчик схватил его автомат и хотел было выстрелить по солдатам, да, видно, не зная, как, отбросил оружие в сторону, метнулся через улицу к другому, стоявшему спиной к нему солдату, вонзил в него нож и вдруг начал

медленно оседать на убитого врага: пуля ударила паренька в грудь.

Шейх Ата рассказывал далее:

— Всем сердцем хотел я, чтобы на месте этого юноши был мой сын Рида. Но после убийства мальчика у меня на мгновение мелькнула мысль о безнадежности борьбы и бесполезности гибели наших детей.

Шейх Ата еще не знал, какое горе и муки ждут его дома.

Враг оставил город, обстрел прекратился. Добравшись наконец домой, Шейх увидел, что дом его разрушен. Под обломками он нашел жену и сына. Они были мертвы. Губы Шейха шевелились: «Нет власти и нет силы превыше всемогущества аллаха. Все мы принадлежим ему, и к нему мы должны вернуться»...

Когда жители похоронили убитых, увезли раненых и нашли приют в соседних деревнях, Шейх Ата попросил партизан помочь похоронить жену и сына под любимым его деревом в саду. Долго сидел он над могилой, читая коран и проливая слезы.

Он решил укрыться в мечети, но, добравшись до нее, увидел одни лишь руины. Ни минарета, ни михраба[1].»

Наш проводник продолжал: «Грохот взрывов и свист пуль еще стояли в наших ушах, когда на рассвете следующего дня мы услышали звучный призыв Шейха Аты к молитве:

— Аллах велик! Пробуждайтесь к спасению! Молитва лучше, чем сон! Аллах всемогущ!

Но в городе, покинутом жителями, никто не спал. Гонимые страданиями и «фантомами», жители разбрелись по лагерям для беженцев. Остались только партизаны: убитые в земле, живые в надежде восстановить разрушенный город. Только они и слышали призыв Шейха Аты и потянулись к нему отовсюду. Он возвышался, как минарет, на развалинах мечети под охраной почтительно стоявших в отдалении живущих в городе христиан».

Наш друг-партизан закончил свой рассказ: «После молитвы Шейх сказал, что не будет читать проповедь, а произнесет лишь несколько слов. Как ни тяжело ему было, он рассказал снова, что потерял единственного своего сына, и спросил, согласны ли мы считать его своим отцом. Мы склонили перед ним головы. Когда кто-то из нас подошел, чтобы поцеловать его руку, Шейх Ата отпрянул.

— Нет! С нынешнего дня рука эта предназначена не для поцелуев! — Он взял винтовку и попросил научить его обращению с оружием.— Я буду помогать вам защищать наш город, покуда жив!..»

Мы провели в Аль-Карама несколько часов, бродя среди руин и выслушивая рассказы о страшных делах того нескончаемого дня.

Ноги мои ныли от усталости, голова раскалывалась от палящего зноя. Мой друг-поэт согласился со мной, что для одного дня мы повидали более чем достаточно. Я сказал сопровождавшему нас партизану, что у нас назначена встреча в Аммане, и потому пора возвращаться.

Мы сели в ждавший нас «крейслер», где наконец-то можно было передохнуть, но на окраине города перед нами снова возник Шейх Ата. Он стоял на вершине небольшого холма в окружении пяти подростков — юношей лет по шестнадцать-семнадцать.

— Шейх Ата со своими детьми,— сказал наш спутник.

Мы выглянули из машины и помахали рукой Шейху из Аль-Карама.

— Он все еще сердится на нас,— заметил поэт.— Ты обратил внимание на его глаза?

Я обернулся. Шейх Ата поднял винтовку. Раздался выстрел.

Перевод Ю. Румянцева.

[1] Михраб — небольшая ниша на той стене, которая обращена к Мекке.— **Прим. перев.**

«Пьер сдергивает наушники и изумленно смотрит на Жака-Анри.

— Что с тобой!..

— Скорее! — шепчет Жак-Анри, помогая обрывать провод антенны и заталкивая за пояс брюк кодовую книгу...

— К черту рацию!..

— Откройте! Германская полиция! Сопротивление бесполезно!..

...Жак-Анри переводит дух, смотрит на часы. Ровно одиннадцать. Дай бог, чтобы Жаклин где-нибудь задержалась...

...Платком Жак-Анри стряхивает с плеч алебастр и ныряет в гараж. Тусклое стекло в окошке едва пропускает свет. Жак-Анри приникает к нему, всматриваясь в улицу, и тут же слабеет, ощутив тупое прикосновение металла к спине.

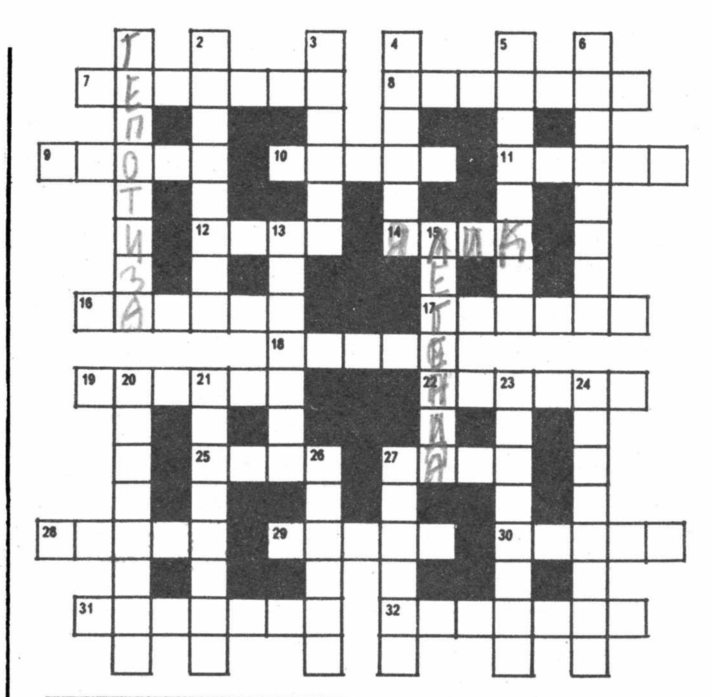
— Руки! Не оборачиваться!»

Этот отрывок взят из документального романа «Дом без ключа», первой части одноименной трилогии, созданной Ал. Азаровым и Вл. Кудрявцевым. (Консультант — генерал-майор Иг. Михайлов.)

Первая книга романа «Дом без ключа» рассказывает о деятельности группы советских разведчиков на территории Западной Европы в годы Великой Отечественной войны.

Много хлопот доставила немцам эта группа. Сведения «утекали» у фашистов буквально из-под носа. И Центр получал радиограммы. Сотни радиограмм с военной информацией. Недешево они стоили нам. Несколько разведчиков попали в руки врага. Раскрыты явки, запеленгованы передатчики. И тем не менее сведения продолжали поступать в Центр...

«Огонек» начинает печатать роман «Дом без ключа» в № 18. Иллюстрации художника Е. Шукаева.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский путешественник XV века. 8. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 9. Металл. 10. Время года. 11. Заглавие книги. 12. Газ. 14. Спортивно-прогулочное судно. 16. Европейское государство. 17. Созвездие южного полушария неба. 18. Драгоценный камень. 19. Конноспортивные состязания. 22. Ввоз товаров из-за границы. 25. Порт во Франции. 27. Древнескандинавское сказание. 28. Река в Архангельской области. 29. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 30. Промысловая морская рыба. 31. Сорт яблок. 32. Способ переработки нефти.

По вертикали: 1. Научное предположение. 2. Город на Украине. 3. Одновременное звучание. 4. Разряд атмосферного электричества. 5. Резкое различие, противоположность. 6. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 13. Духовой инструмент. 15. Запись исторических событий. 20. Балет Л. Делиба. 21. Исполнитель главной роли в кинофильме «Депутат Балтики». 23. Гармоничность движений. 24. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 26. Морское животное семейства дельфиновых. 27. Остров Японского архипелага.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 5. Поговорка. 8. Колонка. 9. Станина. 11. Саванна. 15. Косатка. 17. «Воробей». 18. Почта. 19. Телевизор. 20. Колье. 21. «Варяг». 23. Балалайка. 24. Цюрих. 25. Волопас. 26. Монюшко. 27. Кондома. 29. Арбалет. 31. Татищев. 32. Цитология.

По вертикали: 1. Косинус. 2. Горка. 3. Кокос. 4. Окинава. 6. Розетка. 7. Ангарск. 10. «Коновалов». 12. Верещагин. 13. Наливайко. 14. Хельсинки. 16. Автобус. 17. Варлаам. 22. Гиппарх. 24. Центнер. 27. Колорит. 28. Антоним. 30. Торос. 31. Тагор.

На первой странице обложки: Делегаты XXIV съезда КПСС народная артистка СССР Вия Артмане и сборщица ленинградского завода «Вибратор» Людмила Яковлева.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Н. Коротков и А. Кузьмин — победители всесоюзных соревнований по гребному слалому на каноэ-двойке.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/IV-71 г. А 00535. Подп. к печ. 20/IV-71 г. Формат бумаги 70 × 108[1]/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 655. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 996.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ТУ-154 НА ВЫСОТЕ

«УВЕЛИЧИТЬ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРОВ... ВОЗДУШНЫМ ТРАНСПОРТОМ В 1,7 РАЗА...»

Из Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

Недавно Министерство гражданской авиации СССР и редакция журнала «Гражданская авиация» ознакомили представителей прессы с тем, что уже сделано Аэрофлотом, и с его планами на ближайшее будущее. Корреспонденты увидели работы Аэропроекта, действие первой очереди электронной системы «Сирена», призванной обеспечивать многие тысячи заказов на билеты. Была показана автоматическая система захода самолетов на посадку, значительно уменьшающая зависимость полетов от погоды; демонстрировались новые образцы механизмов, помогающих сокращать сроки обслуживания самолетов на земле.

Журналисты побывали в учебных заведениях Министерства гражданской авиации и в его Научно-вычислительном центре.

Наш специальный корреспондент Г. МАКАРОВ принял участие в испытательном полете одного из новейших пассажирских самолетов, 164-местного ТУ-154. Вот его репортаж.

«Уважаемые пассажиры, командир и экипаж приветствуют вас на борту самолета...» Так тысячи бортпроводниц ежедневно встречают своих гостей. Ныне самолеты Аэрофлота взлетают и садятся почти в четырех тысячах точек Советского Союза.

На сей раз мы не услышали привычных слов, да и в самолет поднялись не по удобному трапу, а по узенькой, без

перил лесенке. Нам повезло: мы первые пассажиры ТУ-154, нового самолета новой пятилетки. Салоны безлюдны, а под сиденьями закреплены мешки с песком. Зато до отказа заполнена пилотская кабина. Инженер-пилот первого класса Виктор Алексеевич Большаков и его товарищи поднимают сегодня машину, продолжая летные испытания и подготовку летных кадров; левое сиденье, место командира корабля, занимает Михаил Михайлович Новиков. Мы впервые летим пассажирами на ТУ-154, а он впервые поведет эту машину...

Облачность начинается почти у земли, и только на высоте более одиннадцати километров, где мы оказались гораздо быстрее, чем ожидали, в иллюминаторы ворвалось солнце. В корабле тихо, не повышая голоса, можно разговаривать с сидящими в другом конце салона. Дверь к пилотам открыта. Слышен голос Большакова: «Выключаю первый». Мы ничего не ощутили. Новиков тоже не заметил никакой реакции органов управления на отключение двигателя — самолет легко продолжал набирать скорость на двух турбинах.

Сегодня надо проверить и летчика, научить его действовать в сложных условиях. И начинается то, чего не бывает в обычном пассажирском рейсе. Самолет глубоко ныряет в облака, резко взмывает, ложится в крутой разворот. Весьма заметные положительные и отрицательные перегрузки то вжимают нас в кресла, то пытаются поднять к потолку... Несколько тренировочных заходов на посадку — и мы на земле. Нам, пассажирам, ничего, а вот «новичку», пилоту Михаилу Михайловичу, жарко.

— Эта машина,— рассказывает Виктор Алексеевич Большаков,— объединила в себе все лучшие качества своих предшественников.

Очертания самолета настолько рациональны и гармоничны, что он кажется легким, изящным, хотя по вместимости не намного уступает гиганту ТУ-114. Директивы XXIV съезда партии предусматривают в новом пятилетии увеличить в 1,7 раза пассажирские перевозки в системе Аэрофлота, и большая часть этого потока — 115 миллионов пассажиров только в одном 1975 году — ляжет на плечи, вернее, на крылья, ТУ-154. Уже в нынешнем году он выйдет на линии и постепенно заменит заслуженные ТУ-104, ИЛ-18, АН-10.

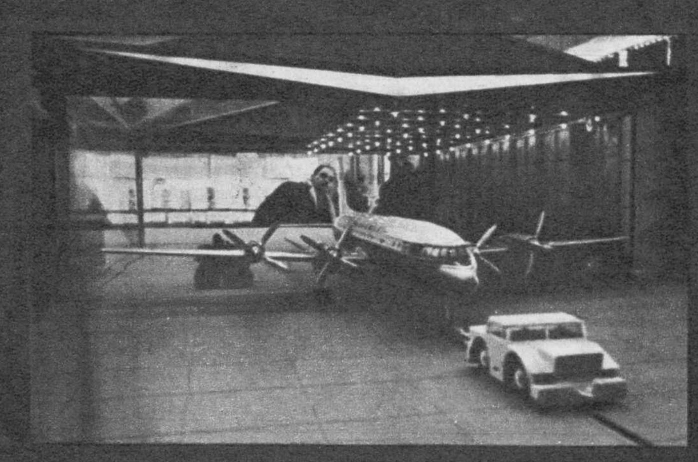
...И вот мы снова в воздухе. Давно горит табло: «Не курить. Застегнуть привязные ремни». Идем на посадку, а земли все не видно. По моей просьбе командир корабля убирает руки со штурвала и, улыбаясь, поворачивается в мою сторону. То же делает и второй пилот. Самолет автоматически приближался к заданной точке все еще невидимой взлетно-посадочной полосы. Только в тот момент, когда уже мелькнули вершины деревьев и на нас понеслись посадочные огни, летчики взяли управление на себя. Вот так, вполне наглядно, мы убедились в возможностях новой автоматической системы захода на посадку, системы, которой уже оснащаются аэродромы и самолеты Аэрофлота.

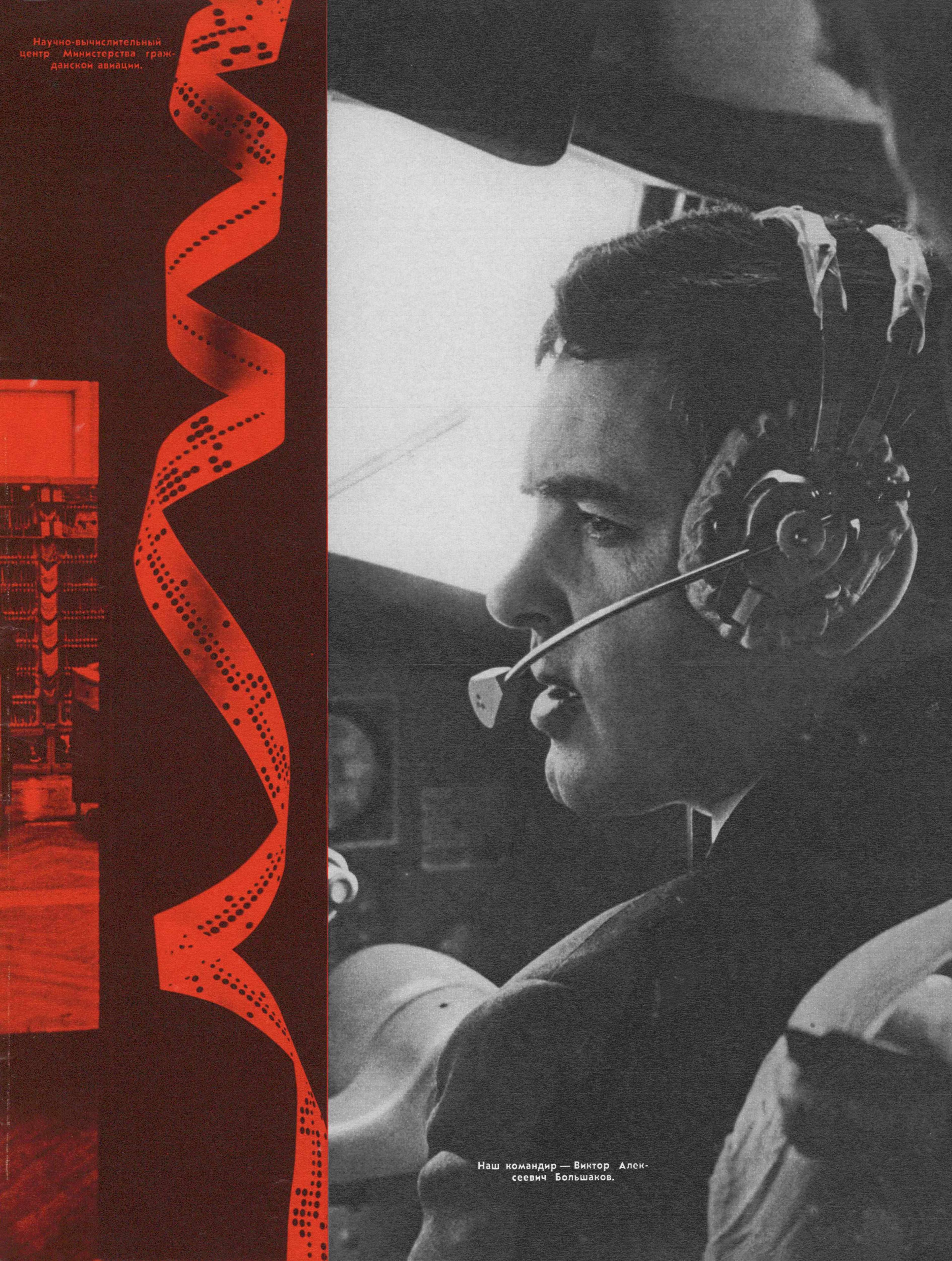
Телеинформатор Оля Мухлынина на посту.

Это не храм и не планетарий. Отсюда недреманное око локатора следит за порядком в небе.

Автоматизированная аудитория Киевского ордена Трудового Красного Знамени института инженеров гражданской авиации. Занятия ведет начальник учебной части И. Челюканов.

Аэропорт начинается с макета.

Салон нового ТУ оснащен телевизорами.

Научно-вычислительный центр Министерства гражданской авиации.

Наш командир — Виктор Алексеевич Большаков.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.